

Широкий Михаил

ЛОГОВО ЗВЕРЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Широкий
Логово зверя

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Широкий М.

Логово зверя / М. Широкий — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сталкеры – смелые, бесстрашные люди, не привыкшие пасовать перед трудностями и отступать перед препятствиями. Но на этот раз двое друзей-сталкеров, бродивших по лесным дебрям в поисках заброшенного бункера, столкнулись в глубине дремучего бора с чем-то настолько невероятным, необъяснимым и непередаваемо жутким, перед чем им пришлось не только отступить, но бежать сломя голову, позабыв обо всех первоначальных планах и думая лишь об одном – о спасении своей висящей на волоске жизни. Содержит нецензурную брань.

I

Выбравшись из леса, Паша и Юра остановились, чтобы перевести дух и оглядеться вокруг.

Правда, для того чтобы бросить взгляд по сторонам, им пришлось сощурить глаза и даже прикрыть их сверху ладонями. Стоявшее в зените, в самом центре бледно-голубого безоблачного неба солнце сверкало так нестерпимо ярко, что привыкшие к мягкому лесному полумраку путники на некоторое время были ослеплены этим мощным лучезарным сиянием и минутную практически ничего не видели. И лишь немного погодя, по мере того как их глаза осваивались с лившимся с поднебесья, будто расплавленное золото, солнечным светом, они стали более отчётливо распознавать раскинувшийся перед ними пейзаж.

Впереди, насколько хватал глаз, распростёрлось огромное, безбрежное поле, сплошь заросшее высокой густой травой. Оно было настолько громадно и необъятно, что приятелям поначалу почудилось, что ему нет конца-краю и оно уходит до самого горизонта. И лишь всмотревшись как следует, они с трудом различили где-то в бесконечной дали узенькую тёмную кромку леса, обозначающую предел гигантского поля.

Впечатлённые внушительными размерами лежавшей перед ними бескрайней равнины, покрытой пышным травяным ковром, спутники, не говоря ни слова и по-прежнему немного щурясь, ещё какое-то время оглядывали это необозримое пространство, озарённое сверкающими, искрящимися лучами, неудержимыми потоками низвергавшимися с неба. Это была настоящая пустыня. Необитаемая, безлюдная, безмолвная. Лишённая малейших признаков жизни, если не считать неторопливых шмелей, с низким ленивым жужжанием проплывавших в знойном воздухе, и немолчно трещавших в зарослях невидимых цикад.

Приятелям, проникшимся на время окружающей тишиной и безлюдьем, в какой-то момент показалось, что они чуть ли не одни на всём свете, что, кроме них двоих, на много километров вокруг нет ни души, что они здесь единственные живые существа. И в этом они были не так уж и не правы, так как в течение всего своего пути, продолжавшегося уже более суток, они не встретили ещё ни одного человека. Они (что, собственно, в определённой мере и входило в их планы) забралась в действительно глухие, заповедные края, где, по-видимому, крайне редко ступала нога случайного прохожего.

Несколько раз обежав глазами безграничное, облитое палящим солнцем поле, Юра чуть нахмурился и перевёл взгляд на приятеля.

– Ну что, узнаёшь ты эти места? – спросил он. – Здесь ты был в тот раз?

Паша, по-прежнему воззрившись вдаль, морщил лоб, будто усиленно вспоминал что-то, и беззвучно шевелил губами, точно собираясь с ответом. Но ответ в итоге получился какой-то неуверенный и вялый.

– Да вроде как... похоже...

Юра, явно не удовлетворённый таким расплывчатым откликом, насутился сильнее и окинул напарника косым взглядом.

– То есть как это «вроде»? Говори толком: это те места, где ты был тогда, или нет?

Паша, не глядя на спутника, продолжал зорко всматриваться в бескрайнюю сияющую даль и слегка покачивал головой, – непонятно было, утвердительно или отрицательно. И вновь ответил не сразу и ещё более неуверенно и глухо:

– Ну, как будто... Вроде те... Что-то знакомое есть...

Юра сделал нетерпеливое движение и, посмотрев на приятеля в упор и чуть повысив голос, с ударением повторил свой вопрос:

– Так те или не те? Скажи, наконец, точно! Чё ты мямлишь?

Однако Паша ещё некоторое время не решался признаться в том, что давно уже было ясно ему самому и делалось всё более ясным Юре. Он ещё пару минут отдувался, озабоченно крутил головой и всё глядел вдаль, будто всё ещё надеясь узреть там что-то хотя бы отдалённо

знакомое. Но, видимо, так и не узрел, потому что в конце концов испустил тяжёлый вздох, хмуρο сдвинул брови и с сокрушённым и виноватым видом посмотрел на друга.

– Н-нет... кажется, не те, – нетвёрдо пробормотал он и, не в силах выдержать устремлённый на него пристальный взгляд товарища, смущённо потупил глаза. – Я, кажись, что-то напутал...

Юра, не переставая буравить его настойчивым, испытующим взором, переспросил сквозь стиснутые зубы:

– Это точно?

Паша опустил голову и почти неслышно, одними губами, прошептал:

– Да... Я не был здесь... Я заблудился...

Юра скривился, сделал раздражённый жест и вполголоса выругался:

– Твою мать!.. Так я и знал!..

Хотел, видимо, ещё что-то сказать, явно не слишком комплиментарное для своего напарника, но лишь махнул рукой и отвернулся.

Несколько минут они молчали. Не глядя друг на друга, обратив взгляды в разные стороны. Вокруг по-прежнему всюду трещали цикады, жужжали и зудели мириады круживших в воздухе насекомых, нудно пищали комары, целыми тучами прилетавшие из соседнего леса и заставлявшие приятелей, даже когда они стояли на месте, находиться в беспрестанном движении – переминаться с ноги на ногу, размахивать руками и то и дело хлопать себя ладонями по разным частям тела.

Паша упорно продолжал озираться кругом, словно, несмотря ни на что, не желал расставаться с надеждой уловить в окрестном пейзаже что-нибудь знакомое, уже виденное им когда-то, хотя и понимал, насколько несбыточна и призрачна эта надежда. Он хмурился, вздыхал, покачивал головой и, по мере того как таяли и умирали его хрупкие чаяния, всё более мрачнел и замыкался в себе, остро ощущая свою ответственность за в значительной мере испорченное путешествие, инициатором, вдохновителем и организатором которого был он сам.

Юра с виду был гораздо более спокоен и уравновешен, пожалуй, даже равнодушен. Его секундное раздражение миновало, и он довольно безучастно, как будто скучая, смотрел на застывшее вдалеке, в том месте, где небо соприкасалось с изломанной линией дальнего леса, мутное, чуть подрагивавшее и переливавшееся золотисто-розоватое марево, в котором бесследно тонули мелкие облачка и сама небесная синь. И только лёгкая тень, время от времени набегавшая на его черты, выдавала его недовольство и разочарование.

– Ладно, чего уж там, – нарушил он в конце концов продолжительное молчание, которое, очевидно, не решился бы нарушить подавленный, нахохлившийся Паша. – Неприятно, конечно, что мы забрели не туда, куда планировали... Но, похоже, ничего уже не поделаешь. Не возвращаться же из-за этого назад. Как думаешь?

Паша, выведенный голосом спутника из забытья, встрепенулся и искоса, будто в смущении, взглянул на него. В очередной раз вздохнул, подвигал губами, но так ничего и не сказал, лишь пожал плечами и вновь поник головой.

– Не, ну я серьёзно, – продолжал Юра, чуть придвинувшись к товарищу и глядя на него с лёгким прищуром. – Жаль, разумеется, что мы не побываем в этом бункере. Сейчас, по крайней мере. Ты так красочно его описывал, что я невольно заинтересовался... Ну да ладно, в другой раз тогда. Будет ещё случай... А теперь нам надо определиться, куда двигаться дальше? Какие у тебя соображения на этот счёт?

Однако у Паши, по всей видимости, не было никаких соображений, а заодно и настроения. Ничего не ответив напарнику и даже не глядя на него больше, он насупился ещё сильнее, поджал губы и упёр неподвижный пасмурный взор в размытую светозарную даль.

Юра, поняв, что расстроенный и обескураженный своей оплошностью приятель, вероятно, решил добровольно сложить с себя полномочия неформального лидера экспедиции, чуть усмехнулся и, принимая инициативу на себя, слегка выбросил руку вперёд.

– Ну, хочется тебе того или нет, а надо идти дальше, – проговорил он, глядя на обращённое к нему в профиль угрюмое, напрягшееся Пашино лицо и тая в углах губ едва приметную улыбку. – Не ночевать же нам здесь, в чистом поле! Сейчас сделаем небольшой привал, отдохнём чуток, подкрепимся... А потом надо пересечь этот пустырь, пройти через тот дальний лес – он, судя по карте, не очень большой – и к вечеру добраться до речки. Там и заночуем. Ну, как тебе план?

И снова Пашина реакция была минимальной: он чуть скривился, дёрнул плечом и опять погрузился в созерцание залитых пламенеющим солнцем пустынных окрестностей, недвусмысленно давая понять, что дальнейшая судьба экспедиции его мало занимает.

Но Юра, по-видимому, уже принял решение и не очень-то нуждался в одобрении заторможенного, ушедшего в себя товарища. Он с видимым облегчением скинул с плеч огромный и, очевидно, довольно тяжёлый рюкзак, потом снял лёгкую куртку защитного цвета и, оставшись в облегчающей, тоже цвета хаки футболке, провёл рукой по раскрасневшемуся, покрытому мелкими каплями пота лицу. Затем он подошёл к недвижному, застывшему, как изваяние, напарнику и, не говоря ни слова, стащил рюкзак и с его спины. Покопавшись в нём, Юра достал оттуда небольшое плотное покрывало, развернул его и расстелил на траве, после чего стал раскладывать на нём также извлекавшуюся из рюкзака провизию – консервы, колбасу, хлеб, кетчуп, бутылку с водой. Окинув съестное беглым взглядом, он удовлетворённо кивнул и, вооружившись складным ножом, принялся резать хлеб и колбасу и делать бутерброды, поливая их кетчупом. Затем открыл банку с рыбными консервами, понюхал содержимое и, секунду помедлив, расплылся в широкой белозубой улыбке. Оглядев ещё раз все компоненты нехитрого обеда, опять с довольным видом боднул головой и повернулся к приятелю, как и прежде, стоявшему на одном месте и меланхолично обозревавшему сияющие дали.

– Друг мой, не хотелось бы отрывать тебя от твоего интересного занятия, но, по-моему, самое время заморить червячка. Прошу к столу!

Паша медленно, точно нехотя, повернул голову в его сторону. Причём выражение лица у него было такое, будто он сделал это лишь для того, чтобы отказаться от предложенного угощения и вновь окунуться в свои томные размышления. Однако едва он увидел накрытый «стол», в лице его что-то дрогнуло, морщины на лбу чуть-чуть разгладились, а глаза слегка блеснули. Некоторое время он словно колебался, присоединиться к трапезе или нет, и эта напряжённая внутренняя борьба отчётливо улавливалась в его чертах. Но в конце концов голод одержал верх над скверным расположением духа, и Паша, помедлив для приличия ещё мгновение, со вздохом двинулся к уставленному едой покрывалу.

Ели молча. Юра несколько раз пытался завести разговор и вообще расшевелить немного грустного, подавленного напарника, но тот отвечал вяло, односложно, а то и вовсе отмалчивался. Вероятно, недавнее фиаско подействовало на него так сильно и угнетающе, что он совершенно пал духом и отгородился от всего окружающего, чтобы наедине с самим собой осмыслить свой промах и сделать необходимые выводы. В самом деле, для опытного, бывалого сталкера (каковым, правда без особых на то оснований, считал себя Паша) было чувствительным ударом по самолюбию, прямо-таки позором заплутать в местах, в которых он бывал не один раз и которые должен был, по идее, знать, как свои пять пальцев. И добро бы он был один, а то ведь ещё и приятеля за собой потащил, уверив его, что ориентируется в этих краях превосходно, и пообещав показать недавно обнаруженный им в глухих дебрях довольно любопытный объект – давным-давно заброшенный, заросший буйной лесной зеленью, забытый всеми на свете бункер с массой интереснейших, порой уникальных артефактов, требующих самого пристального и тщательного исследования. Паша был убеждён, что никто больше не знает об

этом бункере, был чрезвычайно горд своим открытием и с нетерпением ожидал, когда сможет продемонстрировать свою находку товарищу.

И вот продемонстрировал! Завёл бог знает куда, в какую-то совершенно неизвестную ему глушь, в которой он, похоже, никогда не был и из которой надо будет теперь как-то выбираться. Одним словом, полнейший провал! И, отлично осознавая и мучительно переживая свою неудачу, Паша сидел как на иголках, ел без особого аппетита, не знал, куда девать глаза, и старался не смотреть на друга. И всё время обращался в мыслях к одному и тому же терзавшему его вопросу: как могло так получиться? Что за затмение на него нашло? Как он, прекрасно знавший дорогу к обнаруженному им объекту, имевший множество верных примет, разбросанных по всему пути, могший, наверное, пройти туда даже с закрытыми глазами, наощупь, мог так ошибиться, заплутать и забрести совсем не туда, куда планировал? Это было совершенно невероятно, немислимо, абсурдно! Это не укладывалось у него в голове...

Но тем не менее это было именно так. Он ошибся. Сбился с пути. Заблудился. В общем, облажался! Это было настолько очевидно для него самого, что он даже не пытался, как это свойственно любому человеку в подобных случаях, отыскать какую-нибудь лазейку для самооправдания и утешения. К тому же при всём желании ему некого и нечего было обвинить в своём промахе. Ну разве что какие-то неведомые ему сверхъестественные силы, ни с того ни с сего ополчившиеся на него, помрачившие ему разум и заведшие его абсолютно не туда, куда он стремился. Но это было бы как-то совсем уж по-детски. А потому он мужественно брал всю ответственность за происшедшее на себя и винил только себя самого. Правда, легче ему от этого не становилось и переживания его не прекращались, а, напротив, усугублялись и усиливались, поскольку он даже не пытался отвлечься от своих горьких дум, погружаясь в них всё глубже и глубже.

А тут ещё Юра невольно подлил масла в огонь, решив утешить огорчённого, повесившего нос друга. Весело взглянув на него, Юра подмигнул и бодрым тоном проговорил:

– Да лан, Паш, не кисни. С кем не бывает? В этих дебрях сам Рэд Шухарт, наверно, потерялся бы.

Паша болезненно поморщился, словно ему наступили на мозоль, и посмотрел на приятеля с лёгкой укоризной.

Но тот, будто не замечая этого, развивал свою мысль дальше:

– Такая уж наша сталкерская судьба! Идём порой вслепую, сами не зная хорошенько куда. Думаем попасть в одно место, а оказываемся совсем в другом. Будто нечисть какая-то сбивает с пути, ведёт вкривь и вкось, заманивает в самые гиблые места. Забреедем порой в такую глухомань, что аж страшно становится... Но страх нам не к лицу! – наставительно произнёс Юра и даже поднял указательный палец, точно пытаясь придать больше веса своим словам. – Настоящий сталкер ничего не должен бояться. Ничего и никого! Пусть хоть сам чёрт встретится где-то в глуши... Потому что какой же ты сталкер, если боишься? Если трус, так не суйся в дикие и опасные места, а сиди дома... лежи на диване... И даже не думай...

Юрин говор становился всё менее связным, всё чаще прерываясь паузами, язык заплетался, как у пьяного. Почувствовав стремительное приближение сна, он расслабленно усмехнулся, подтянул к себе рюкзак и, уронив на него внезапно отяжелевшую голову, с удовольствием растянулся на мягкой траве и замер в блаженном покое. Но глаза закрыл не сразу, а ещё некоторое время медленно и беспорядочно, будто автоматически, водил ими кругом. И речь его оборвалась не вдруг – ещё несколько не очень вразумительных фраз сорвались с коснеющего, едва двигавшегося языка:

– Хороший сёдня день... солнечный, тёплый... Куда ж это мы забрались?... Далековато... Сталкер ничего не должен бояться... Иначе какой же он тогда...

На этом его едва слышное полусонное бормотание пресеклось, помутневшие глаза смежились, и через мгновение из полукрытого рта понеслось равномерное, с лёгкой хрипотцой дыхание.

Паша бодрствовал ненадолго дольше напарника. Какое-то время ещё сидел – по-прежнему с удручённым и печальным видом – рядом с мирно спящим товарищем, клюя носом и опуская голову всё ниже. Но наконец не выдержал и, окончательно уронив голову вниз, распластался на земле, немного поёрзал и затих.

II

Пробившийся сквозь плотную листву высившихся рядом огромных развесистых деревьев яркий лучик пробежался по земле, поросшей густой душистой травой, по покрывалу с остатками скромного сталкерского обеда, по неподвижным телам спавших приятелей и, наконец, будто нарочно, задержался на Юрином лице. Юра чуть пошевелился, поморщился и прикрыл глаза рукой. Но настойчивый солнечный зайчик продолжал метаться по его лицу и каким-то образом исхитрялся добираться до загороженных рукой глаз. Тогда, стремясь избавиться от назойливого блика, Юра повернулся на бок и уткнулся лицом в мягкую траву, источавшую тонкий приятный аромат. Однако упрямый лучик, будто всерьёз вознамерившись во что бы то ни стало разбудить его, принялся плясать на его щеке, ясно давая ему понять, что его сон закончен.

И Юра в конце концов вынужден был признать это. Некоторое время он ещё лежал с закрытыми глазами, тщетно пытаясь удержать остатки улетающего сна. Но поняв, что это бесполезно, приподнял веки и минуту-другую разглядывал какую-то букашку, упорно карабкающуюся по травинке в нескольких сантиметрах от его глаз. Однако это довольно однообразное зрелище очень быстро наскучило ему, и он, пробурчав что-то себе под нос, с усилием приподнялся с земли и сел. Рассеянно, заспанными, мутноватыми глазами огляделся вокруг. Бросил беглый взгляд вперёд, на убегавшее в бескрайнюю даль зелёное, с рыжевато-жёлтыми вкраплениями и проплешинами поле. Потом вскинул глаза кверху и, прищурившись, посмотрел на, как и прежде, ослепительно яркое и нестерпимо горячее солнце, перекатившееся на западную сторону неба и уже оттуда продолжавшее поливать изнурённую жарой землю мощными волнами сверкавшего и искрившегося света.

Поглядев несколько секунд на клонившийся к западу пылающий шар, а затем взглянув мельком на часы, Юра нахмурился и покачал головой. После чего обернулся к спавшему сном праведника, чуть похрапывавшему Паше и потряс его за плечо.

– Вставай, Пашуля. Чё-то мы заспались.

Паша, почувствовав прикосновение, всхрапнул громче обычного, почмокал губами, на мгновение приоткрыл глаза, но, видимо, так и не пробудившись, перевернулся на другой бок и вновь погрузился в сон.

Но неумолимый напарник продолжал тормозить и трясти его, упрямо и монотонно приговаривая:

– Поднимайся, Паш, поднимайся. Хватит дрыхнуть! Мы и так провалялись, как сычи, почти до вечера. Идти надо!

Однако вернуть Пашу к жизни оказалось не так-то просто. Он упорно не желал расставаться с натуральным, пропитанным приятными запахами травяным ложе, на котором, видимо, чувствовал себя очень уютно и покойно. Он хмурился, кряхтел, постанывал, бормотал что-то неразборчивое и бессвязное и, несмотря на все Юрины усилия, никак не мог выйти из-под власти крепкого, сладостного сна.

И тогда, поняв, что обычные средства тут бессильны, Юра решил прибегнуть к экстремному. Он взял бутылку, из которой они пили во время обеда, и, недолго думая, вылил плескавшиеся на дне её остатки воды Паше на лицо.

Средство, как и следовало ожидать, оказалось весьма действенным. Спавший, как казалось, беспробудным сном Паша, едва тонкая струйка коснулась его щеки и, раздробившись на множество брызг, разлилась по всему лицу, громко ойкнул, подскочил, как ошпаренный, и, вытаращив мутные, ещё застланные туманом глаза, бессмысленно уставился перед собой. У него было при этом такое растерянное, глуповато– беспомощное выражение лица, что Юра, глядя на него, не выдержал и рассмеялся.

Паша, понемногу приходя в себя, уже более осмысленными, прояснившимися глазами огляделся кругом и, увидев наблюдавшего за ним и смеявшегося приятеля, с недовольным видом скривился.

– Поливать меня было совершенно необязательно, – проворчал он, отирая рукавом куртки мокрое заспанное лицо. – Не так уж крепко я спал...

Юра расхохотался пуще прежнего.

– Ага, точно! Не крепко! – едва выговорил он сквозь смех, не спуская глаз с помятой, опухшей от сна Пашиной физиономии. – Я тут уже чуть ли не ногами тебя пинал! Ты хоть бы хны, спишь как убитый. Пришлось использовать водные процедуры.

Паша, не переставая яростно тереть рукавом уже сухое, заметно покрасневшее лицо, бросал на продолжавшего покатываться со смеху товарища мрачные взгляды и глухо бурчал сквозь стиснутые зубы:

– Ногами!.. Пытался один такой попинать меня ногами... Плохо это для него кончилось...

– Чё ты там бормочешь? – не расслышав, спросил Юра.

Паша метнул на него очередной угрюмый взор и, чуть помедлив, холодно обронил:

– Ничего.

После чего отвернулся и, набычившись, устремил хмурый взгляд в расстилавшуюся перед ними беспредельную даль, пламеневшую в уже немного косых лучах золотисто-красноватого предвечернего солнца.

Юра, поглядев ещё немного на сердитого, неподвижно уставившегося в пространство напарника, опять, на этот раз добродушно и как будто снисходительно, усмехнулся и, став вдруг серьёзным и деловитым, проговорил, поднимаясь на ноги:

– Ну ладно, хорошего понемножку. Отдохнули – и хватит. Надо двигаться дальше! И так уйму времени потеряли.

С этими словами он стал укладывать в Пашин рюкзак остатки обеда, тщательно упаковывая их перед этим в полиэтиленовые пакеты, а затем, вытряхнув и аккуратно сложив, отправил туда же покрывало, служившее им своего рода обеденным столом.

Паша и не подумал принять участие в этих хозяйственных заботах. Пока Юра прибирался за ними обоими, он по-прежнему обозревал окрестный пейзаж и предавался, судя по его сосредоточенному, чуть напряжённому виду, каким-то серьёзным и, вероятно, важным для него размышлениям.

Но Юра не посчитался с этим, когда закончил со сборами и пришла пора трогаться. Оглядев поляну зорким, цепким взглядом – не забыл ли чего, – он подошёл к спутнику и хлопнул его по плечу.

– Давай, Паш, подымайся. Хватит ворон считать. Выдвигаемся.

Однако Паша не торопился следовать этому призыву. Он скользнул по приятелю безразличным, отсутствующим взором и не сделал ни малейшей попытки подняться.

– Ну чего расселся-то? – нетерпеливо произнёс Юра, возвышаясь над товарищем и пристально глядя на него. – Шевелись давай! У нас не так уж много времени – надо до темноты отмахать нехилое расстояние и найти нормальный ночлег.

Но Паша и после этого остался неподвижен и невозмутим, как если бы увещевания друга относились не к нему.

– Алё, ты слышишь меня? – повысил голос Юра, уже несколько раздражённый. – Ты идёшь, или как?

И опять ноль внимания. Паша ни звуком, ни жестом не отреагировал на обращённые к нему слова и продолжал бесстрастно глядеть в никуда.

Тогда Юра, постояв ещё немного возле безмолвного, очевидно, и не думавшего двигаться с места напарника, тихо ругнулся, взвалил себе на плечи свой массивный, словно разбухший рюкзак и, метнув на Пашу косой, сумрачный взгляд, широкой, размашистой поступью зашагал вперёд по извилистей, убегавшей вдаль тропинке.

Первые несколько секунд Паша рассеянно и по-прежнему безучастно взирал вслед стремительно удалявшемуся товарищу. А когда тот скрылся на повороте за высокой густой травой, чуть насупился и, качнув головой, огляделся вокруг. До него, вероятно, дошло, наконец, что Юра не шутит, и если он не прекратит валять дурака и разыгрывать из себя обиженного, капризного ребёнка, совсем не склонный к дурачествам приятель действительно может уйти и оставить его тут наедине с его унылыми думами. А остаться на ночь глядя одному в этой диковатой, необитаемой местности вовсе не входило в его планы. Слишком уж пусто и мрачно здесь было, особенно в предвидении недалёкого уже вечера, на приближение которого указывало всё более сдвигавшееся на запад солнце, посылавшее на землю уже не такие яркие, как прежде, чуть притушенные, хотя, невзирая на это, всё ещё жаркие лучи.

Быстро сообразив всё это, Паша вскочил на ноги и, подхватив свой рюкзак, довольно резво припустил следом за ушедшим вперёд спутником. Тот, впрочем, – видимо прекрасно зная повадки своего друга и предвидя его действия, – ожидал его неподалёку, стоя посреди тропинки и задумчиво поглядывая кругом. Увидев приближавшегося Пашу, он небрежно кивнул ему и как ни в чём не бывало промолвил:

– А, вот и ты. Отлично! Пойдём. Желательно в темпе.

И, ещё договаривая эти отрывистые, точно рубленные слова, он повернулся и чётким, пружинистым шагом двинулся дальше по тропинке.

Паша, немного понурый, будто пристыженный, молча последовал за ним.

Как ни была обширна пустынная травянистая равнина, окаймлённая со всех сторон смутно темневшими лесными массивами, путники, благодаря взятому ими ускоренному ходу, довольно быстро пересекали лежавшее перед ними внушительное пространство. Их продвижение ускоряло также то, что они не отвлекались на разговоры, а шли в полном молчании, слыша лишь ровное, мерное дыхание друг друга и изредка перебрасываясь беглыми, ничего не выражавшими взглядами. Гораздо чаще озирались они по сторонам, на окружавшее их, подступавшее к ним вплотную необъятное зелёное море, озарённое всё более косыми и понемногу тускневшими лучами вечернего солнца, которое постепенно утрачивало свою недавнюю яркость и жар и, словно утомившись за день, мало-помалу меркло и спешило спрятаться за зубчатой каймой черневшего вдалеке леса. Кое-где на землю легли первые, пока ещё прозрачные, едва уловимые тени. Время от времени по полю пробегал лёгкий мягкий ветерок, которого так не хватало днём, когда он мог хотя бы немного ослабить тяжёлый, невыносимый зной.

И всё время, пока они продвигались по этой, казалось, бесконечной, сплошь заросшей буйным сорняком пустыне, их не покидало упорное, стойкое ощущение одиночества, заброшенности, покинутости. Большой, густо населённый, шумный мир, мир людей, остался где-то там, вдалеке, за бескрайними лесными просторами, которые они преодолевали уже больше суток. И вот, одолев их, друзья впервые за время своего довольно длительного пути ощутили

– причём одновременно – странное, необъяснимое внутреннее напряжение, лёгкое беспокойство, почти тревогу. Навевала ли на них это чувство беспредельная однообразная равнина, которую они пересекали уже около получаса и достигли едва ли половины её, или виной тому была усталость, не устранённая даже достаточно продолжительным послеобеденным отдыхом, или же ещё что-то, не совсем понятное им самим, – они не знали, да и не особенно задумывались над этим, всецело поглощённые другой, гораздо более актуальной для них сейчас задачей – стремлением достигнуть подходящего места для ночлега. А между тем глухое, смутное беспокойство, вроде бы ни на чём не основанное, совершенно беспочвенное, непостижимое, не только не покидало их, но, напротив, чем дальше, тем больше увеличивалось, ширилось, росло, заставляя их то и дело обмениваться хмурыми, насторожёнными взглядами, а затем бросать такие же напряжённые, немного тревожные взоры вокруг.

И вот, в очередной раз обводя окрестности зорким, словно ищущим взглядом, Юра заметил вдали тёмную движущуюся точку. Она двигалась им навстречу по той самой тропинке, рассекавшей огромное поле надвое, по которой шли они сами. Правда, примерно в середине поля, как раз там, где находились теперь друзья, тропинка заметно расширялась и больше походила на просёлочную дорогу, неизвестно кем и зачем проложенную, так как путники здесь, очевидно, появлялись крайне редко. Но сегодня, вероятно, был некий особенный день, поскольку по какому-то странному совпадению случилось так, что именно сегодня по этой обычно безлюдной, заглушенной тропинке шли сразу три человека. Тёмная точка, замеченная Юрой, а затем и Пашей в отдалении, оказалась человеком: едва она приблизилась к ним на достаточно недалёкое расстояние, они явственно различили контуры человеческой фигуры. Как только приятели убедились в этом, у них отлегло от сердца – поначалу, ещё не различив как следует, что там движется им навстречу, они предположили, что это какой-нибудь зверь, рыщущий в поисках добычи, что было не так уж невероятно, принимая во внимание, в какую глухомань они забрались.

Но это был человек, теперь в этом не было уже никаких сомнений. А едва они сблизилась ещё больше, друзья, взглядевшись пристальнее, увидели, что это женщина, – они ясно различили длинные волосы, рассыпанные по плечам, и короткое светлое платье, оставлявшее открытыми голые ноги. Приятели, чуть сбавив ход, выразительно переглянулись. Было удивительно встретить в этой глуши человека, а уж женщину – удивительно вдвойне.

Однако, как выяснилось через несколько мгновений, совсем не это было самым удивительным и необычным. Едва медленно ковылявшая им навстречу женщина приблизилась к ним ещё – теперь их с ней разделяло всего пару десятков метров, и эта дистанция продолжала уменьшаться, – спутники, не отрывавшие от неё внимательных, сосредоточенных взглядов, вновь, на этот раз изумлённо и озадаченно, посмотрели друг на друга, а затем тут же – опять на женщину, которая вскоре была уже в нескольких шагах от них.

Поражённые тем, что представилось их глазам, приятели остановились. Остановилась – очевидно, тоже наконец-то заметив их – и та, которая вызвала у них сильнейшее, редко испытываемое изумление, почти шок. Изумиться и впрямь было чему. Женщина была в ужасном виде! Грязная, оборванная, растерзанная. С растрёпанными, свалявшимися волосами неопределённого цвета, в беспорядке разбросанными по плечам, в измятом, порванном в нескольких местах платье, с босыми, чёрными от дорожной пыли, сбитыми в кровь ногами. Сквозь дыры в платье были видны покрывавшие её тело синяки, ссадины и длинные кровавые царапины, точно оставленные когтями. Руки и ноги также были исцарапаны и испещрены синевато-багровыми кровоподтёками.

Но страшнее всего было её лицо. Тоже грязное, измученное, мертвенно бледное, изуродованное синяками и струйками чёрной запёкшейся крови. Впрочем, не поэтому оно выглядело особенно пугающим. Настоящую оторопь вызывали её глаза – вытаращенные, остекленелые, лишённые всякого выражения и смысла, с расширенными, потемневшими зрачками и

вспыхивавшим по временам сумасшедшим блеском. И с таким же безумным, неопишным ужасом, застывшим в них, как если бы она видела перед собой что-то невообразимо жуткое, леденящее кровь, помрачающее разум и повергающее в ступор, в котором она, по всей видимости, и пребывала уже неизвестно сколько времени.

Прятели и девушка – а это было именно девушка или совсем молодая женщина, что не сразу и не без труда можно было определить из-за покрывавшего её лицо плотного слоя грязи, пыли и крови, – несколько секунд не отрываясь смотрели друг на друга. Юра и Паша – изумлённо и растерянно, ничего не понимая и не зная пока, как реагировать на такую неожиданную и странную встречу. Незнакомка – пустыми, бессмысленными, остановившимися глазами, устремлёнными как будто мимо друзей, причём так пристально и упорно, что они пару раз невольно обернулись, чтобы проверить, нет ли чего-нибудь или кого-нибудь у них за спиной. Но это, конечно, было излишне. Незнакомка просто смотрела в никуда и, вероятно, видела что-то, доступное и понятное только ей одной.

Однако спустя минуту-другую она, похоже, заметила наконец стоявших перед ней и не сводивших с неё удивлённых глаз путников. Она взгляделась в них внимательнее, её застылое, неподвижное, как маска, лицо слегка дрогнуло, и на нём обозначилось что-то похожее на выражение, – насколько это позволяла различить скрадывавшая её черты безобразная кроваво-грязная корка. Некоторое время она смотрела на них в упор, медленно переводя глаза с одного на другого и напряжённо морща лоб, словно мучительно пытаясь сообразить или вспомнить что-то. Затем лицо её вдруг болезненно исказилось, в широко распахнутых глазах в очередной раз мелькнул ужас, из высоко вздымавшейся груди стали вырываться протяжные хриповатые вздохи, мешавшиеся с подавленными, глухими стонами. Потрескавшиеся пепельные губы беззвучно шевелились, точно она хотела сказать что-то, но вместо слов по-прежнему вырывались лишь натужные вздохи и жалобные стенания.

Не дождавшись от неё ни звука, Юра попытался завести разговор первым. Он приблизился к ней на шаг и произнёс, отдельно и чётко выговаривая каждое слово, будто обращаясь к слабослышащей:

– Кто вы, девушка? Что с вами случилось?

Она посмотрела на него с недоумением и даже некоторым испугом, как если бы давно уже не слыхала человеческой речи и была до крайности удивлена обращёнными к ней словами. Она по-прежнему усиленно морщила лоб и, точно рыба, выброшенная на берег, открывала рот, будто собиралась ответить. В какой-то момент показалось, что это вот-вот удастся ей: из её рта полились сбивчивые, нечленораздельные звуки, походившие не то на лепет младенца, не то – и гораздо больше – на бессвязный говор мертвеца пьяного. Понять хоть что-то в этом бестолковом хаосе звуков не представлялось возможным.

Тем не менее, всё же надеясь услышать от знакомки что-нибудь более вразумительное, – а, судя по всему, её история была небезынтересна, даже в не очень связном изложении, – Юра приступил к ней ещё на шаг и, выдавив на лице улыбку, как можно мягче и дружелюбнее произнёс:

– Девушка, не бойтесь. Мы вас не обидим. Мы хотим вам помочь. Постарайтесь успокоиться и расскажите нам, что с вами стряслось?

Однако знакомка не только не сказала ничего более-менее разборчивого, но и вовсе замолкла, насторожённо и с явной тревогой глядя на почти вплотную приблизившегося к ней Юру. А когда он, продолжая улыбаться, с добродушным видом протянул к ней руку, она вздрогнула всем телом и с коротким пронзительным возгласом отпрянула от него.

Юра чуть нахмурился, опустил руку и, повернувшись к напарнику, с натянутой усмешкой проговорил:

– Ненормальная какая-то! Или обкуренная...

Он хотел ещё что-то сказать, но прервался, увидев внимательный Пашин взгляд, устремлённый куда-то вниз. Он последовал глазами по направлению этого взгляда и упёрся взором в ноги девушки, на которые до этого не обращал особого внимания. И, приглядевшись, заметил то, на что пристально и угрюмо смотрел Паша.

Это была кровь, которой была сплошь покрыта внутренняя сторона ног незнакомки. Ниже колен, особенно у щиколоток и на ступнях, – почерневшая, запылённая, запёкшаяся, выше – совсем свежая, ярко-алая, с едва уловимым багровым оттенком. И, присмотревшись ещё пристальнее, Юра заметил, что кровь, хотя и очень медленно, чуть заметно, продолжала сочиться из-под платья и течь по ногам вниз, и несколько её капель уже упало на землю и впиталось в дорожную пыль.

Юрино лицо при этом зрелище посмурнело и напряглось. Густые чёрные брови сошлись у переносицы. Он опять повернулся к приятелю, и они обменялись серьёзными, озабоченными взглядами. А затем, стараясь не делать больше лишних движений, он вновь обратился к незнакомке с мягкими, осторожными увещаниями:

– Девушка, вы вся в крови. Вам нужно к врачу. Разрешите, мы поможем вам. Пойдёмте с нами!

Но с таким же успехом он мог бы обращаться к стоявшей неподалёку тонкой стройной берёзе, тихо и нежно шелестевшей своей пышной листвой. Незнакомка, казалось, не слышала его. А если и слышала, то не понимала. Взор её по-прежнему был мутным и неосмысленным, лицо – пустым и непроницаемым, движения – порывистыми и беспорядочными. С губ, как и прежде, срывались то и дело невнятные, не поддававшиеся истолкованию звуки. Она, очевидно, была невменяема, и не было никакой возможности пробиться сквозь окутавшую её плотную пелену безумия.

И тогда, поняв, что словами и уговорами от неё ничего не добьёшься, Юра решил применить – разумеется, в разумных пределах – силу. Однако как только он придвинулся к девушке ещё на полшага и попытался взять её за руку, она отскочила от него, как испуганная лань, сразу на несколько шагов и, уставив на него свои округлённые, горевшие сумасшедшим блеском глаза, стала по обыкновению издавать какие-то бестолковые гортанные звуки, срывавшиеся с её языка как будто произвольно, независимо от её воли.

Но затем произошло неожиданное. Когда приятели уже утратили надежду услышать от незнакомки хотя бы несколько вразумительных слов, она внезапно словно немного и ненадолго пришла в себя. Она вдруг замерла, в её мутных глазах на мгновение блеснула мысль, лоб прорезала глубокая морщина, – она точно задумалась. И чуть погодя, вскинув руку и тыча пальцем в ту сторону, откуда она пришла, – и глядя туда же расширенными, полными невыразимого страха глазами, – не совсем твёрдо и внятно, дрожащим, прерывающимся голосом, растягивая, коверкая и путая слова, но всё же достаточно отчётливо для того, чтобы можно было уловить хоть что-то из произносимого ею, забормотала:

– Он там... там, в пуще... в глубине... Он убёт... убёт всех... Никому пощады... никому... Он – сила!..

Произнеся последнее слово на более высокой, звенящей ноте, она оборвала себя и, по-прежнему указывая пальцем в направлении темневшего вдалеке леса и не отрывая от него оцепенелого, немигающего взора, прибавила после паузы упавшим, гложущим голосом:

– Он придёт... обязательно... за всеми...

И вслед за этим из её рта опять полились нестройные, бессвязные звуки, похожие на бред сумасшедшего. Слабый отблеск разума в её глазах погас, взгляд помутнел и устремился в никуда, лицо вновь сделалось непроницаемым и напряжённо-тупым. А ещё через мгновение оно судорожно вытянулось, в глазах снова мелькнул ужас, из груди вырвался сдавленный стон, и, резко сорвавшись с места, незнакомка большими неровными прыжками, слегка раскачиваясь и нелепо размахивая руками, устремилась прочь, туда, откуда только что явились приятели.

Друзья, как и прежде, изумлённо и недоумевающе, смотрели ей вслед, до тех пор, пока её стремительно удалявшаяся и уменьшавшаяся в размерах фигура, озарённая розоватыми отсветами заходящего солнца, не исчезла за поворотом дороги. Потом взглянули друг на друга долгими, выразительными взорами и, словно читая мысли один другого, – что, впрочем, было в этот момент не так уж сложно, – покачали головами.

– Ну, что скажешь? – первым прервал молчание Юра и мельком огляделся кругом. – Чё думаешь по этому поводу?

Паша пожал плечами и ещё сильнее замотал головой.

– Понятия не имею... Чепуха какая-то...

Юра приподнял левую бровь и хмуро посмотрел вдаль.

– Чепуха-то чепуха... – задумчиво протянул он. – Но что-то эта чепуха мне совсем не нравится... Ты же сам видел – на ней живого места нет! Отделал её кто-то по высшему разряду!

Паша согласно кивнул. А затем, словно поражённый внезапной мыслью, вскинул на спутника тревожный взгляд.

– Кто?

Юра криво усмехнулся.

– Если б я знал! Тут можно только гадать...

– Может, зверь какой? – поспешил предположить Паша, не сводя с приятеля напряжённого, будто ожидающего взора. – Кто ещё может быть в такой глухомани?

Юра, немного помедлив, с мрачной иронией произнёс:

– Зверь, говоришь?.. Ну да, согласен. Пожалуй, что зверь... Только двуногий! – с ударением закончил он и пристально взглянул на товарища.

Паша чуть побледнел. Уронил взгляд вниз и задержал его на чёрных каплях крови, застывших в сером дорожном песке в том месте, где минуту назад стояла незнакомка.

Юра посмотрел туда же и, слегка кивая головой, будто в такт своим мыслям, медленно, делая паузы между фразами, проговорил:

– Да-а... Её изнасиловали, это очевидно... И очень жестоко... просто зверски... Потешились вволю... Странно, что вообще в живых оставили...

– Но кто? Кто это может быть?! – повторил свой вопрос Паша, чуть повысив голос, но тут же оборвав себя и опасливо оглядевшись.

И снова Юрины черты тронула кривоватая, совсем не весёлая усмешка.

– Это знала только она, – по-прежнему медленно и задумчиво вымолвил он, бросив взгляд на недалёкий, заросший высоким кустарником поворот дороги, за которым незадолго до этого скрылась девушка. – Но она ничего конкретного нам не сказала. А из того, что сказала, понять что-нибудь трудно... Ну разве что то, что там, в пуще, есть какой-то «он», который обязательно придёт и всех убьёт...

– И что он – сила! – тихо, почти шёпотом, подрагивающим голосом прибавил Паша и побледнел ещё больше.

Они одновременно повернули головы и взглянули в сторону вздымавшегося в отдалении леса, плотная чёрная стена которого, увенчанная изломанной островерхой кромкой, чётко рисовавшейся на фоне блёклого вечернего неба, замыкала огромную равнину и уходила в мглистую даль, теряющуюся в сгущавшихся сумерках. Массивный солнечный шар, утративший весь свой недавний блеск и мощный ореол сверкающих лучей, приглушённо мерцая и тлея, застыл на краю лесной полосы, над самыми верхушками деревьев, заливая напоследок притихшую землю мутноватым, как будто кровавым багрянцем, придававшим окружающему пейзажу несколько мрачноватый оттенок. Всё чаще налетавший ветерок был уже не тёплым и приятно освежающим, а скорее прохладным и сыроватым, заставлявшим путников ёжиться и зябко поводить плечами. С отрывистыми, казалось, беспокойными и жалобными криками пронеслись в пронизанном серыми тенями воздухе стайки готовившихся к ночлегу птиц. И

даже неугомонные цикады, точно утомившись в течение долгого дня, оглашали окрестности уже не таким дружным и слаженным стрекотом, как совсем недавно.

В сумерках, среди стихавшей и замиравшей природы приятели почувствовали себя ещё более одиноко и неуютно, чем днём. А недавняя встреча ещё сильнее смутила и встревожила их чувства, поставив перед ними вопросы, на которые у них не было и не могло быть ответов. И это неуклонно нараставшее смятение и тревога некоторое время мешали им тронуться с места, заставляя с неуверенным и растерянным видом топтаться посреди дороги и насторожённо озираться кругом, с напряжённым вниманием вглядываясь в сумрачные, подёрнутые мутной дымкой дали, в которых им порой мерещились какие-то неясные движения и шорохи, являвшиеся, скорее всего, лишь плодом их немного разыгравшегося воображения.

Первым опомнился и взял себя в руки Юра. Он мотнул головой, будто стряхивая с себя ненадолго овладевшее им оцепенение, и, взглянув на солнце, мерцающий багровый диск которого уже наполовину скрылся за дальним лесом, повернулся к спутнику.

– Ладно, хватит торчать здесь без толку. Двигаемся дальше, если не хотим ночевать тут, в чистом поле. И так кучу времени потеряли из-за этой... – Юра не договорил и, скривившись, махнул рукой.

Паша, однако, не спешил откликаться на призыв товарища. Он, казалось, всё ещё пребывал в расстроенных и смятенных чувствах и, по-прежнему бледный и угрюмый, продолжал опасливо оглядываться кругом, едва заметно вздрагивая от смутных вечерних звуков, время от времени доносившихся неизвестно откуда. И лицо его при этом хмурилось всё сильнее, и всё большая тревога, почти страх мелькали в глазах.

– Ну, чё встал? Пошли! – поторопил его Юра, слегка встряхнув увесистый рюкзак, ощутимо оттягивавший ему плечи. – Скоро совсем стемнеет.

Паша перевёл на друга хмурый, обеспокоенный взгляд и, пожевав губами, вполголоса проговорил:

– Но она же сказала, что он там...

– Кто «он»?

Паша не ответил и продолжал неотрывно смотреть на приятеля, не сомневаясь, что тот отлично понимает, о чём идёт речь.

Юра подвигал бровями, взглянул исподлобья в сторону темневшего вдалеке леса, над которым кружились выглядевшие как чёрные точки птицы, и чуть скривил лицо, что, видимо, должно было казаться усмешкой.

– Не хватало ещё обращать внимание на идиотский лепет первой встречной, – небрежно, сквозь зубы процедил он. – К тому же явно придурочной или обкуренной...

– А также избитой до полусмерти и изнасилованной! – мрачно закончил Паша и, точно от озноба, передёрнул плечами.

Юра, мимолётная фальшивая усмешка которого мгновенно растаяла, около минуты стоял понурив голову и медленно вращая глазами туда-сюда, точно в поисках ответа на занимавший его важный вопрос. А затем, видимо приняв решение, качнул головой, ещё раз чуть подбросил тяжеленный рюкзак, сильно обременявший уже слегка затёкшие плечи, и, скользнув по напарнику холодным взглядом, твёрдым, мерным шагом двинулся вперёд.

Паша немного помедлил, помялся, повздыхал и, кинув по сторонам очередной тревожный, опасливый взор, с явной неохотой, будто против воли, поплёлся следом за приятелем.

III

Приятели добрались до речки уже в полной темноте, проплував около часа по дремучим, порой едва проходимым лесным дебрям, из которых к концу своего пути они почти отчаялись выбраться. Но вот, когда силы их были уже на исходе и они едва волочили ноги, лес вдруг

стал понемногу редеть, деревья начали расступаться перед ними, густой ельник сменился редколесьем. И вскоре они вышли на берег небольшой реки, поросший невысокой травой и редкими кустами. И, едва поняв, что их долгий изнурительный путь – или, вернее, хотя бы значительный отрезок пути (потому что сколько им ещё предстояло пройти, они пока что даже не представляли) – закончен, они остановились и с чувством огромного облегчения сбросили с онемелых плеч тяжёлую поклажу.

Какое-то время они стояли неподвижно, прерывисто дыша, отирая со лба пот и оглядывая протянувшуюся перед ними серебристую, изгибавшуюся змеей ленту реки, сумрачно поблёскивавшую в темноте. Когда дыхание немного восстановилось, Юра, ещё раз окинув взглядом речку и её окрестности, удовлетворённо кивнул и негромким, чуть хрипловатым от утомления голосом произнёс:

– Ну, наконец-то, добрались! По-быстрому разложимся, перекусим – и спать.

Паша, обессиленный настолько, что едва держался на ногах, не издал ни звука и лишь согласно кивнул.

Постояв ещё немного, будто в нерешимости, за что приняться в первую очередь, они в конце концов разделились. Паша, вконец измотанный и выбившийся из сил – и, как следствие, уже ни на что не годный, – в изнеможении опустился на первую попавшуюся кочку и, уронив голову на грудь, замер в глубоком полусонном оцепенении. Юра же, скользнув по напарнику коротким скептическим взглядом и поняв, что тот ему уже не помощник, тряхнул головой и взялся за дело.

Прежде всего после недолгих поисков он отыскал место для палатки – более-менее ровное, покрытое густой мягкой травой, по соседству с крупной мохнатой елью, раскинувшей во все стороны свои широкие разлапистые ветви. Затем извлёк из рюкзака плотно сложенную палатку и умелыми, чёткими, доведёнными до автоматизма движениями, среди которых не было, казалось, ни одного лишнего, установил её на выбранном им участке. Палатка была небольшая, немного вытянутая в длину, в ней без особого стеснения могли разместиться два человека. Юра забрался в неё, минуту повозился внутри, проверяя, достаточно ли удобен будет предстоящий ночлег, и, выбравшись наружу, утвердительно боднул головой, видимо довольный результатом.

После этого, не теряя даром ни секунды, он отправился бродить окрест – собирать топливо для костра. В течение нескольких минут Юры не было видно, до замершего в блаженной дреме, клевавшего носом Паши доносился лишь хруст сучьев под ногами рыскавшего где-то за деревьями, в непроглядной тьме, застывшей в лесных зарослях, товарища. А потом он неожиданно вынырнул из темноты прямо возле Паши, держа в руках большую охапку палых ветвей и сучьев, которую он бросил наземь поблизости от палатки. Покопавшись в кармане, он достал оттуда зажигалку, и через мгновение маленький живой огонёк с сухим потрескиванием заметался и заплясал в объёмистой грудке хвороста, стремительно разрастаясь и с жадностью пожирая одну ветку за другой. И вскоре возле палатки горел большой яркий костёр, рассеивая мрак и озаряя неверным движущимся светом раскинувшийся кругом пышный травяной ковёр, выступающие из темноты массивные еловые лапы, лежавшие на земле пузатые рюкзаки и усталые, осунувшиеся лица приятелей – довольное, чуть усмехавшееся Юрино и безразличное, сонное Пашино.

– Отлично! Хорошо горит! – сказал Юра, с прищуром глядя на всё более разгоравшееся пламя и потирая руки. – Побалуем себя горячим ужином... Ну и комаров пусть отгоняет... А может, кого и посерьёзнее, – прибавил он потише, чуть нахмурясь и бегло оглядевшись.

Безучастные, застылые Пашины черты после этих слов внезапно ожили. Он задвигал головой, приподнял её и устремил на друга сосредоточенный, беспокойный взгляд.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он низким, сипловатым голосом. – Кого «посерьёзнее»?

Юра тоже посмотрел на него и, немного помедлив с ответом, усмехнулся и небрежно взмахнул рукой.

– Ничего. Не обращай внимания... Ладно, пойду дровишек поищу, – произнёс он, возвращаясь к хозяйственным заботам. – А то хворостишко красиво, конечно, горит, но недолго.

И, сделав несколько шагов, он вновь исчез за деревьями. А Паша, проводив его угрюмым мутным взглядом, вздохнул, тревожно осмотрелся вокруг и, не с силах сопротивляться настойчиво подступавшему сну, опять повесил голову и погрузился в тяжёлое дремотное забытё.

Юра, послонявшись по лесу ещё пару минут, возвратился, таща за собой небольшое деревце с длинным тонким стволом и кривыми, изломанными ветвями. Бросив его возле понемногу затухавшего костра, он достал из рюкзака топорик и такими же ловкими, уверенными движениями, какими устанавливал только что палатку, принялся обрубить с дерева ветки и кидать их в огонь, который, приняв новую пищу, вспыхнул ярче прежнего и вновь озарил округу сумеречным, дрожащим сиянием. Обрубив все ветки, Юра приступил к стволу и сильными, точно рассчитанными ударами разделил его на несколько частей, превратив в конце концов в груды дров. И один обрубок тут же швырнул в костёр, подняв при этом сноп искр и взметнув кверху серый клуб дыма.

Затем, уронив топор наземь и уперев руки в бока, он постоял немного неподвижно, глядя сужившимися глазами на разгоравшийся огонь и словно задумавшись о чём-то. Потом мотнул головой, точно отгоняя непрошенные мысли, резко повернулся и двинулся в сторону реки, на ходу бросив приятелю:

– Пойду освежусь. И тебе, кстати, советую.

Паша никак не отреагировал. Похоже, даже не услышал. Усталость сломила его окончательно. Он сидел ссутулившись, голова его склонялась всё ниже, глаза были закрыты. Напряжение и беспокойство постепенно исчезли с лица, сменившись умиротворением и покоем. Судя по всему, его дремота плавно перетекла в сон.

Но сон этот был недолог. Его разгладившиеся было черты вдруг снова напряглись и исказились, из груди вырвался сдавленный стон, голова резко мотнулась в сторону. Вероятно увидев во сне что-то не слишком приятное и стремясь избавиться от этого, он вздрогнул всем телом, резко вскинул голову и открыл глаза. Несколько секунд, вытаращившись и тяжело дыша, неотрывно смотрел перед собой, словно всё ещё видя то, что явилось ему во сне. А когда видения наконец рассеялись, осторожно огляделся кругом, особенно пристально всматриваясь в раскинувшуюся за его спиной чёрную лесную глубь, слегка озаряемую колеблющимися отблесками костра. Нервы его были натянуты, а воображение сильно возбуждено, а потому ему виделось подчас не то, что было на самом деле. Причудливые очертания деревьев он принимал за какие-то безобразные, уродливые фигуры, протягивавшие к нему свои длинные узловатые руки; смутные лесные шорохи – за тихие голоса, глухо шептавшие что-то, как ему казалось, угрожающее и зловещее; суетливые, неверные блики костра выхватывали из темноты как будто чьи-то устрашающие обличья с искорёженными, противоестественными чертами...

Оставаться наедине со всеми этими ужасами, представлявшимися ему всё более реальными, было выше его сил, и Паша, вскочив с облюбованной им кочки и стараясь не смотреть больше в сторону леса, довольно резво припустил к берегу, где едва уловимо рисовался склонённый Юрин силуэт.

Юра, пристроившись на самом краю низкого, поросшего чахлой травкой бережка, умывался, зачерпывая воду полными горстями и бросая её себе в лицо. Фыркал, отдувался, отплёвывался и даже слегка постанывал, явно получая удовлетворение от нехитрых водных процедур, которых был лишён уже больше суток. Заметив подошедшего спутника, оторвался на миг от своего занятия и выразительно кивнул ему.

– Ополоснись, Паш. Знаешь, как приятно! Вода как парное молоко!

Паша немного помедлил, словно раздумывая, покрутил головой, вздохнул. Но, видимо вдохновлённый примером товарища, тоже присел на корточки рядом с ним и, сбросив куртку и закатав рукава тельняшки, погрузил руки в тёмную воду, которая, в полном соответствии с Юриными словами, оказалась тёплой, мягкой, будто ласкающей. И освежающей, снимающей усталость, восстанавливающей подорванные, истрёпанные силы. Может, это и не было так на самом деле, но измождённому, измученному долгой тяжёлой дорогой Паше почему-то очень хотелось верить в целительную, прямо-таки чудодейственную силу лесной реки, на берегу которой они надеялись найти отдых и покой. А потому он с удовольствием, почти с наслаждением держал руки в воде, медленно водя ими туда-сюда и чувствуя, как она струится у него между пальцами и нежно обволакивает кожу. И это было так приятно, действовало на него так расслабляюще и усыпляюще, что веки его вновь начали слипаться, голова опять стала клониться вниз, перед глазами замелькали пёстрые, причудливые картины, а в ушах зазвучала едва уловимая, размеренная мелодия, сливавшаяся с тихим журчанием бежавшей рядом воды...

– Э-э-э, братан, осторожнее! – внезапно раздался у него над ухом звучный, предостерегающий возглас, и в тот же миг крепкая пятерня схватила его за плечо и рванула назад.

Паша очнулся и выпученными, недоумевающими глазами уставился на склонившегося над ним приятеля.

– Ты что, искупаться захотел? – проговорил Юра, кивая на струившуюся у их ног чёрную воду. – Ещё секунда – и был бы там!

– А-а... что?.. – пролепетал Паша, едва ворочая языком и хлопая, как кукла, веками. – Что такое?

Юра, видя, в каком состоянии его друг, снисходительно усмехнулся и качнул головой.

– Ну ладно, всё нормально. Просто переутомились мы сегодня. Такой путь отмахали, да ещё по пересечённой местности. Не шутка... Так что сейчас закусим по-быстрому – и на боковую!

Эти слова, во всяком случае последние, Паша кое-как уразумел и вяло кивнул в знак согласия.

Они вернулись к костру, который за время их отсутствия заметно притух и отбрасывал вокруг совсем слабые, мерцающие отблески. Юра кинул в него пару наколотых им древесных обрубков, и огонь, жадно приняв в себя новое топливо, разгорелся ярче и веселее, озарив лица приятелей беспокойным красноватым светом. Они уселись возле него, достали из рюкзака еду и питьё и принялись утолять свой аппетит, необычайно разыгравшийся за время их продолжительных скитаний по лесной чащобе, потребовавших от них немалых усилий и изрядно вымотавших. Они так активно насыщались, что, вопреки своему обыкновению, даже не разговаривали, лишь обменивались беглыми взглядами и чуть усмехались, сами не зная чему. А затем, покончив с ужином и по-прежнему безмолвствуя, сидели и, щурясь и позёвывая, смотрели на огонь, чувствуя, как приятная истома растекалась по их телам и как сон понемногу подкрадывался к ним, настойчиво смежая веки и клоня головы долу.

– Всё, спать пора, – нашёл в себе силы вымолвить Юра, с трудом – как незадолго до этого Паша – двигая коснеющим языком. – Перемещаемся в палатку...

Паша опять согласно кивнул. Но не сдвинулся с места, продолжая ронять голову всё ниже и чуть посапывать, как если бы он уже спал.

Юра, однако, сделав над собой усилие, чуть пошатываясь, встал и положил руку другу на плечо.

– Пошли, пошли. Нам завтра рано вставать.

Паша промычал что-то и вновь даже не пошевелился.

Но Юра был неумолим и не отступался, тряся его за плечо и приговаривая:

– Давай, давай, подымайся! Всего несколько шагов – и тогда можешь спать сколько твоей душе угодно...

Он не договорил. Его речь прервалась на полуслове. Он резко вскинул голову и расширенными глазами воззрился в темноту.

Именно оттуда, из застывшей за рекой непроглядной чернильной тьмы, в которой сливались густые заросли, деревья и чёрное беззвёздное небо, внезапно донёсся громкий протяжный рёв, разорвавший глубокую ночную тишину. Не крик, не вопль, а именно рёв. Явно не человеческий, а звериный. Глухой, гортанный, рокошущий, будто вырвавшийся из-под земли. Он принёсся из-за реки, из тёмной, недвижимой лесной глубины, метнулся над водой, ударился о берег и замер, разбившись о плотную стену деревьев, у подножия которых расположились друзья. Но его слабые, понемногу замиравшие отзвуки ещё несколько мгновений дрожали в потревоженном, всколыхнувшемся воздухе, пока не стихли окончательно, поглощённые беспредельной ночной немотой, которой не мог сопротивляться ни один, даже самый громкий и раскатистый звук.

Но ещё достаточно долго после того, как он заглох, Юра и Паша (который, едва слышав прилетевший из лесных глубин рык, мгновенно очнулся и вскочил на ноги), застыв на месте, не шевелясь, почти не дыша, широко распахнутыми немигающими глазами смотрели в непроницаемую сумрачную даль, откуда до них донёсся поразивший их как гром зычный рёв.

Они как будто ожидали, не раздастся ли он опять. Не услышат ли они вновь чего-то подобного. А когда поняли, что, скорее всего, не услышат, отвели взгляды от темноты и посмотрели друг на друга.

– Что это? – прошептал Паша, едва шевельнув побелевшими губами.

Юра ответил ему продолжительным задумчивым взором и, ничего не сказав, сделал шаг вперёд и снова пристально воззрился вдаль.

– Что это, Юр? – повторил свой вопрос Паша, чуть возвысив голос и не сводя с приятеля упорного вопрошающего взгляда.

Юра дёрнул плечом и как-то отстранённо, точно нехотя, проговорил:

– Откуда мне знать? Я слышал то же, что и ты.

Паша, явно неудовлетворённый таким ответом, нахмурился и, стараясь не показывать лёгкую дрожь в голосе, задал новый вопрос:

– Но что-то ж ты думаешь по этому поводу?

Юра снова ничего не ответил, лишь чуть пожал плечами и ещё внимательнее вгляделся в разлитую за рекой кромешную тьму, где, возможно, притаился тот, кто издал встревоживший путешественников оглушительный рёв.

Паша, всё более хмурясь и вздрагивая от раздававшихся порой случайных лесных звуков, некоторое время смотрел туда же, но, видимо не в силах обуздать нараставшее внутреннее беспокойство, внешне выразившееся в бледности и усиливавшейся мелкой дрожи, возобновил свои расспросы:

– Так что ж это было, Юр? Как ты думаешь?

– Ничего я не думаю, – едва разжимая плотно сомкнутые губы, обронил Юра, по-прежнему глядя из-под насупленных бровей в застывший в отдалении чёрный, как уголь, мрак.

– Ну а всё-таки? – не отставал Паша, подступив вплотную к товарищу и вперив в него пронзительный выжидающий взгляд. – Зверь это был или человек?

Юра чуть усмехнулся и проговорил с лёгкой иронией:

– Я что-то с трудом представляю себе человека, который мог бы издавать подобные звуки... Хотя как знать, – едва слышно прибавил он, и мимолётная усмешка исчезла с его лица. – Как знать...

Но такие неопределённые ответы лишь увеличивали Пашино беспокойство. Он со всё большей опаской озирался кругом, за каждым кустом или веткой дерева угадывая скрытую угрозу, затаившуюся до поры до времени под покровом темноты, но в любой момент готовую выйти из тени. Особую тревогу вызывала у него протекавшая метрах в десяти от них река:

доносившиеся оттуда по временам тихие всплески, журчание, едва уловимые шорохи наводили его на мысль, что там, в покрывавших берег и нависавших над водой зарослях, есть что-то живое и небезопасное для них. Он так пристально вглядывался в окутанную тьмой прибрежную зелень, что ему начинало порой мерещиться там какое-то движение, смутные, едва различимые, причудливые фигуры и даже как будто чьи-то диковинные обличья с размытыми, искажёнными и жутковатыми чертами.

В конце концов Паша так взбудоражил себя реальными, а ещё больше надуманными опасностями, подстерегавшими его повсюду, что не выдержал напряжения и сделал то, чего за несколько минут до этого безуспешно добивался от него Юра, – нырнул в палатку и, закутавшись в спальный мешок, замер, будто заснул. Но на самом деле сна у него не было ни в одном глазу: неудержимо разраставшаяся в нём тревога, мало-помалу превращавшаяся в страх, не позволяла ему забыться сном, а разгорячённая фантазия одну за другой рисовала мрачные, пугающие картины того, что могло случиться с ними в самое ближайшее время. А основания для тревожных предчувствий и предположений были, по мнению Паши, более чем веские. И в первую очередь – встреча на пустынной дороге с изнасилованной, избитой, буквально истерзанной и лишившейся разума девицей, упомянувшей в своём безумном, горячечном бреде, что в лесу есть какой-то могущественный и грозный «он», от которого, по её утверждению, ничего хорошего ждать не приходится. И её собственное состояние и внешний вид убедительно свидетельствовали в пользу её слов. Места для сомнений практически не оставалось.

А теперь, в придачу, ещё этот дикий рык, неожиданно разорвавший ночное безмолвие и лишивший Пашу остатков покоя. Что это за рёв? Кто его издал? Ну понятно, что не человек; тут Юра прав: человеческое горло не в состоянии исторгнуть из себя такие звуки. Значит, зверь. Но какой?.. Перебрав в памяти всё способное рычать зверьё, могущее обитать в местных лесах, Паша, не найдя более подходящих кандидатов, остановился в итоге на медведе. И хотя в здешних краях давно уже никто не слышал ни о каких медведях, как знать, может быть, один какой-нибудь, в виде исключения, затерялся в глухой чащобе и лишь по ночам оглашает окolicу истошным, душераздирающим рёвом, словно заявляя во всеуслышание о своём одиноком тоскливом существовании.

Однако вывод, к которому пришёл Паша, отнюдь не утешил его, а, напротив, погрузил в ещё большую тревогу. Мысль о том, что где-то поблизости бродит в лесных дебрях хищный зверь – и бродит не просто так, а, очевидно, в поисках добычи! – привела его в такое замешательство и смятение, что он не мог уже думать ни о чём другом и буквально не находил себе места. Забыв об отдыхе и сне, он маялся, метался из стороны в сторону, непрерывно ворочался с боку на бок, шурша своим спальным мешком и точно готовясь выпрыгнуть из него при первом же намёке на опасность, громко вздыхал, охал, кричал, бормотал что-то малопонятное или просто чмокал губами. А иногда, когда его слуха достигали неясные звуки неизвестного происхождения, доносившиеся из лесу, он резко приподнимался, замирал и весь обращался в слух. Но, как правило не улавливая более ничего конкретного, снова – в ещё большем беспокойстве – ложился, и его терзания продолжались.

Вскоре в палатку забрался и Юра. По своему обыкновению, быстро и чётко обустроил себе скромную походную постель, немного повозился, устраиваясь поудобнее, и затих.

– Ну, что там? – немедленно спросил Паша, едва лишь приятель закончил приготовления ко сну и улёгся рядом с ним.

– Ничего, – тихим, бесцветным, уже немного сонным голосом произнёс Юра. – Ночь, темень, тишина...

– Ага! – буркнул Паша, скрипнув зубами. – И в этой темени иногда кто-то ревёт не своим голосом!

Юра, прикрыв глаза, устало усмехнулся.

– Почему же не своим? Может быть, очень даже своим. У каждого свой особый голос. У него – вот такой!

Паша чуть вскинул голову и внимательно посмотрел на друга, лицо которого, правда, видел в темноте очень смутно, как в тумане.

– У кого – у него? – произнёс он едва слышно.

– Ни у кого, – холодно отрезал Юра и, протяжно зевнув, предложил: – Давай спать. Мы устали сегодня, как собаки. Нам нужен отдых. Завтра утром опять в дорогу.

Паша в очередной раз перевернулся с боку на бок и, точно досадуя на равнодушные товарища – несколько нарочитое и наигранное, как ему показалось, – пробурчал сквозь зубы:

– Как бы этот отдых не оказался последним в нашей жизни!

Юра ничего не ответил, будто не услышал. А ещё через минуту Паша уловил его ровное, размеренное, с лёгким похрапыванием дыхание, – Юра уснул.

Чего долго ещё нельзя было сказать о Паше. Он, ещё совсем недавно готовый заснуть сидя на голой земле, теперь не мог сделать этого лёжа в палатке, в спальном мешке, в достаточно комфортной – по меркам суровой походной жизни – обстановке. Тревожные мысли и не отпускавшее ни на миг беспокойство не давали ему забыться и упорно гнали сон прочь. Он продолжал ворочаться, вздыхать, шептать что-то невразумительное, время от времени замирать и чутко прислушиваться к звукам ночи. Вот хрустнула сухая ветка, словно под чьей-то ногой; вот откуда-то из глубины леса донеслось уханье совы; вот налетел лёгкий порыв ветра, всколыхнул ветви деревьев, запутался в пышной листве, и лес будто ожил и заговорил – тихими таинственными голосами, шептавшими что-то бессвязное и неуловимое. И Паша поневоле вслушивался в этот смутный загадочный говор, и порой ему даже чудилось, что он начинает разбирать в нём кое-что. Но это ему только казалось, это было уже на грани яви и сна, который незаметно, мало-помалу подчинял его своей власти и погружал в свои объятия.

И уже в самое последнее мгновение перед тем, как окончательно отключиться, в тот момент, когда не знаешь точно, наяву это или уже во сне, он краем глаза заметил какую-то крупную чёрную тень, мелькнувшую рядом с палаткой и на миг довольно отчётливо обрисовавшуюся в бледном сиянии догорающего костра. Но и этого мига оказалось достаточно, чтобы Паша различил что-то громадное, бесформенное, мохнатое – и при этом, как ни странно, человекообразное!

Однако Паша был так расслаблен и вял, почти парализован смертельной усталостью и тяжело навалившимся на него сном, что не только не испугался, но даже не удивился: у него не было на это сил. «Нет, это не медведь!» – промелькнуло напоследок в его мозгу, и сразу же после этого он провалился, точно в омут, в глубокий, свинцовый сон, захлестнувший его плотной мягкой волной.

IV

Паша проснулся от тихого мерного шуршания, которое он смутно уловил ещё во время сна и которое, как ему поначалу показалось, доносилось откуда-то издалека. Но постепенно оно приближалось, нарастало, становилось более отчётливым и ясным. И, наконец, сделалось таким явственным и чётким, что окончательно прогнало крепкий Пашин сон. Недовольно жмурясь и кряхтя, он открыл глаза и уставился в тонкий полупрозрачный верх палатки, через который внутрь проникал приглушённый рассеянный свет. Пробудившее его равномерное дробное шуршание не прекращалось, и, совершенно придя в себя, Паша понял, что это дождь. И как только он уразумел это, его лицо скривилось в ещё более недовольной гримасе, и он поспешил закрыть глаза, как если бы решил снова погрузиться в сон.

Но не тут-то было: раз прервавшись, сон покинул его и не собирался возвращаться. Как ни пытался Паша вновь окунуться в приятное, расслабленное дремотное состояние и отгородиться от окружающего плотной завесой небытия, ему это не удалось. Вожденный сон рас-

сеялся и улетучился без следа, а унылая неуютная явь упрямо и назойливо напоминала о себе, барабана по поверхности палатки нескончаемым потоком тяжёлых холодных капель, падавших с низкого, затянутого серой мутью неба. Паша не мог пока видеть, каким было в это ненастное утро небо, но догадаться об этом было нетрудно, и его совсем не вдохновляла перспектива выползть из палатки под этот хмурый, насупленный небосвод, поливавший землю холодным морозящим дождём.

Но – делать нечего – надо было вставать, и Паша, тяжело вздохнув и скорчив несчастную мину, заворочался и начал выбираться из спального мешка, разбудив при этом и Юру. Тот тоже открыл глаза, повёл ими кругом и, увидев, что уже утро, поглядел на часы.

– Ого, уже почти одиннадцать! Заспались мы.

И он также принялся выкарабкиваться из своего мешка. Только делал это гораздо быстрее и охотнее приятеля и покинул палатку первый, в то время как Паша продолжал сидеть на своём ложе, зевая и почёсывая всклокоченную гриву. И лишь после того как Юра окликнул его и велел пошевеливаться, он, пошуршав ещё минутку своей постелью, выполз наконец наружу и огляделся вокруг.

Увиденное совсем не обрадовало его, так как вполне соответствовало его ожиданиям. Мутное, обложенное плотными грязно-сизыми облаками небо, тяжело нависшее, казалось, над самыми вершинами деревьев, серая движущаяся сетка дождя, заметно ограничивавшая видимость, угрюмый мокрый лес, в котором не раздавалось больше никаких звуков, – всё покрывал непрекращающийся, монотонный шум низвергавшейся с пасмурного небосклона воды.

Паша медлил. Ему меньше всего хотелось вылезать из сухой уютной палатки в окружающую сырость и холод. Желание делать это совершенно пропало, когда на лоб ему с ветки соседнего ясеня упало несколько крупных тяжёлых капель, которые показались ему ледяными. Он вздрогнул, наморщил пострадавший лоб и, проведя по нему пальцами, глухо чертыхнулся.

– Это просто свинство какое-то! – пробурчал он с расстроенным, почти обиженным выражением. – Вчера пекло было, как в Африке, а сегодня такая холодина. Будто осень вдруг настала...

Юра тем временем, нахмурившись и покачивая головой, рассматривал изрядно промокшие рюкзаки и их содержимое.

– Вот зараза! – бормотал он сквозь зубы, переходя от одного рюкзака к другому. – Вещи промокли... хлеб раскис... Не вовремя этот грёбаный дождь... очень не вовремя.

– Вот именно, промокли, – усиленно закивал головой Паша, отодвинувшись немного в глубь палатки и периодически высывая оттуда недовольное, насупленное лицо. – И мы вымокнем до нитки, если попрёмся сейчас невесть куда. Надо подождать!

Юра, по-прежнему с сокрушённым видом заглядывая попеременно то в один, то в другой рюкзак, коротко процедил:

– Чего ждать-то?

– Когда закончится этот поганый дождь.

Юра поднял голову и, окинув взглядом сплошь затянутый непроницаемой мутной пеленой, без единого просвета небосвод, скептически покачал головой.

– К сожалению, он не закончится... Вернее, не закончится так скоро, как нам хотелось бы. Это надолго!

Паша, щурясь и кривя губы, точно отведав чего-то кислого, тоже вскинул глаза на серую облачную муть, заполнившую небо от края до края, и, вынужденный согласиться с приятелем, уныло понурился. Но покидать палатку всё равно не спешил, будто надеялся, что напарник передумает и они останутся здесь переждать непогоду.

Надежды эти не оправдались. Юра, уложив в рюкзаки извлечённые оттуда накануне вечером вещи и продукты, приступил к палатке и, не говоря ни слова, стал разбирать её. Паша,

едва его ненадёжное убежище заколебалось, не дожидаясь, пока оно обрушится ему на голову, поневоле выбрался наружу и исподлобья, с немым упрёком уставился на товарища.

Юра, слишком занятой, чтобы обращать внимание на укоряющие взоры приятеля, небрежно мотнул ему головой и приказал:

– Сложи спальные мешки.

Паша, словно не поняв, постоял несколько секунд без движения, но, очень скоро приведённый в чувство холодными каплями, оросившими ему лицо и проникшими за шиворот, зашевелился и принялся исполнять распоряжение напарника.

Поскольку дождь не давал им расслабиться, они собирались очень споро, не делая лишних движений и не тратя времени на разговоры, лишь стряхивая капли дождя, заливавшие им лица. В результате буквально за пару минут палатка и мешки были собраны и уложены в рюкзаки, после чего Юра окинул зорким взглядом место ночлега, проверяя, не забыли ли они чего-нибудь, и, навьючив на себя свою часть поклажи, тронулся в путь, обронив мимоходом:

– Всё, двигаем.

Паша, взвалив на плечи свой рюкзак и бросив прощальный взор на косматый еловый лапник, под сенью которого они провели ночь, поплёлся за ним следом, бормоча себе под нос:

– Куда двигать-то? Дороги нет!.. Да ещё такая гнилая погода... Зараза!..

Невозмутимый, сосредоточенный Юра, занятый своими мыслями, не реагируя на дождь и бурчанье спутника, твёрдой, уверенной поступью шёл вперёд, как будто точно знал, куда нужно идти. И его целеустремлённость и спокойная уверенность в себе были так заразительны, что Паша постепенно перестал жаловаться и ныть и, словно сам мало-помалу обретая спокойствие и хладнокровие, двигался за товарищем всё быстрее и твёрже.

Понемногу удаляясь от берега, они вскоре достигли окраины противоположной части леса, вздымавшегося по левую руку от них, и пошли по едва заметной в траве, понемногу уклонявшейся в сторону дорожке, над которой нависали широкие развесистые ветви выстроившихся в ряд рослых деревьев. Дождь с трудом проникал сквозь плотный покров густой листвы, и приятелям удобно было идти под её почти непроницаемой завесой.

Но постепенно тропинка всё более терялась в траве и вскорости вовсе пропала. Путники вынуждены были сбавить шаг и, наконец, запутавшись ногами в высокой траве, остановились. Огляделись по сторонам.

– Ну, куда дальше? – спросил Паша.

Юра, не отвечая, ещё некоторое время порыскал глазами вокруг, пристально вгляделся в зеленовато-серый сумрак, застывший под мохнатыми развесистыми купами, и, подумав самую малость и по-прежнему не произнося ни слова, устремился в глубь леса. Паша, пожав плечами, с безразличной, скучающей миной пошёл за ним.

Но, пройдя несколько шагов, он, будто вспомнив о чём-то, вдруг обратился к приятелю:

– Слышь, Юр, ты ночью, перед сном, не заметил возле палатки ничего подозрительного?

– Нет, – сказал Юра, полуобернувшись. – Я сразу вырубился... А что, было что-то подозрительное?

Паша задумчиво шевельнул бровью.

– Да так, ничего особенного... Почудилось что-то... – и, передёрнув плечами, умолк.

Юра понимающе кивнул и отвернулся.

Следующие часа два спутники шли в том же порядке, друг за другом: Юра впереди, Паша чуть позади, то немного отставая, то вновь нагоняя приятеля. Паша не представлял, куда идёт напарник, чем он руководствуется при выборе пути, куда ведёт их эта глухая, нехоженная лесная тропка. Да, собственно говоря, и не было никакой тропинки, друзья просто шли там, где можно было пройти, обходя бесчисленные колоннообразные стволы сосен и пушистые, раздавленные вширь ели, небольшие пригорки, заросли кустарника, поваленные деревья и поросшие мхом трухлявые пни. И внимательно глядя себе под ноги, чтобы не зацепиться за притаившуюся

под сухой прошлогодней листвой кочку или вылезший из земли тугой корявый корень. Важность этого Паша уяснил после того, как, зазевавшись на мгновение, споткнулся о твёрдое, как камень, змеевидное корневище и, отягчённый увесистым рюкзаком, как сноп, повалился наземь, ткнувшись лицом в мягкие прелые листья. После этого он поневоле сделался осмотрительнее и то и дело шарил по земле цепким, ищущим взглядом.

Дождь в лесу почти не ощущался. То ли он начал ослабевать, то ли не мог проникнуть сквозь плотную завесу из тесно сомкнувшихся в вышине крон, не пропускавших сквозь свою толщу ни падавшей с небес воды, ни струившегося оттуда же слабого бледного света. В чаще царил полумрак. Ветви, листва, стволы, кусты, трава – всё сливалось и мешалось в тусклой мутноватой мгле, напоминавшей вечерние сумерки.

Продолжительное блуждание по бездорожью начинало уже утомлять путешественников, и они стали задумываться о привале, как вдруг лес, будто угадав их невысказанное желание, совершенно неожиданно расступился перед ними, и их глазам открылась обширная ровная, как блюдце, поляна, покрытая ярким цветочным ковром. Приветливые светло-голубые колокольчики, обильно усеивавшие лесную опушку, радовали глаз и приятно контрастировали с сумрачной чащобой, по которой так долго плутали друзья. Однако отнюдь не цветы, как ни красивы они были, в первую очередь привлекли внимание путников. Едва лишь они выбрались из зарослей и, переведя дыхание, оглядели раскинувшуюся перед ними красочную, словно празднично убранную поляну, они тут же устались вперёд и замерли от лёгкого удивления.

Прямо перед ними, в некотором отдалении, на противоположном краю поляны, стоял довольно крупный деревянный дом, сложенный из длинных чёрных брёвен и увенчанный высокой покатой крышей с маленьким слуховым окошком. Он немного терялся в густой тени подступающих к нему сзади огромных деревьев, частично покрывавших его своими раскидистыми, усыпанными пышной листвой ветвями. Также мешала разглядеть его во всех подробностях сероватая шевелящаяся пелена дождя, продолжавшего, хотя и не так сильно, как прежде, моросить с набрякшего облачного неба.

Приятеля, не спеша выходить из-под надёжно прикрывавшего их от дождя плотного лиственного покрова, некоторое время с интересом разглядывали неожиданно представшее перед ними в лесной глуши человеческое жильё, которое они менее всего ожидали здесь встретить. Сама судьба, казалось, посылала им удобное, даже, можно сказать, комфортабельное место, где можно было бы укрыться от непогоды.

– Как кстати! – проговорил Паша, взглядывая на спутника и одновременно кивая на высившийся невдалеке дом.

Юра, глядя туда же из-под сдвинутых к переносью бровей, утвердительно качнул головой.

– Ну да. Обсушиться нам не помешает.

– И передохнуть, – прибавил Паша, чуть подбросив оттягивавший плечи пузатый рюкзак, – в нормальных условиях.

С этими словами он, не дожидаясь товарища, двинулся было в направлении одинокого лесного дома, но вдруг резко остановился и вслушался. Юра, также уловивший какие-то неясные звуки, тоже наострил уши. Несколько мгновений они, замерев, прислушивались к доносившемуся откуда-то из глубины леса треску ломаемых ветвей, глухому топоту и словно бы чьему-то тяжёлому дыханию. Было совершенно непонятно, что это такое, каково происхождение этих звуков, однако разгадка, очевидно, была близка, так как таинственные звуки приближались и становились всё более явственными.

И через секунду кустившиеся справа от них густые заросли внезапно раздвинулись, и на поляну выскочил огромный лось. Выскочил, на миг замешкался, точно выбирая, куда бежать дальше, и, увидев расстилавшееся впереди открытое пространство, ринулся, быстро переставляя длинные светло-серые ноги, наперерез через поляну. Друзья машинально отпрянули, когда в нескольких шагах от них пронеслось массивное туловище, покрытое грубой чёрно-бурой

шерстью, с короткой мощной шеей, высокой холкой и крупной горбоносой головой, увенчанной ветвистыми лопатообразными рогами.

Быстро пробежав поляну и достигнув её дальнего края, лось перепрыгнул через густевшие там невысокие кусты и спустя мгновение, мелькнув напоследок тёмным бесхвостым крупом, пропал между деревьями. Ещё некоторое время слышались приглушённый топот и треск сучьев, но и они вскоре стихли вдали. И лишь после этого приятели, немного ошеломлённые неожиданным появлением лесного великана, перевели дух и переглянулись.

– Ф-фу! – протяжно выдохнул Паша, проведя рукой по слегка побледневшему лицу. – Чёртов сохатый! Разбежался, козёл!

Юра чуть-чуть улыбнулся и попытался пошутить:

– Думаю, он обиделся бы за козла.

– Да пошёл он! – уже не сдерживаясь, воскликнул Паша и сделал неприличный жест вслед убежавшему животному. – Поганый лосяра! Чуть в штаны не наложил из-за него.

Юра тоже посмотрел туда, где минуту назад исчез опрометью пронёсшийся мимо них лось, и, вдруг чуть нахмурившись, вполголоса произнёс:

– Кажется, он был испуган не меньше нас.

– И чего он испугался? – спросил Паша. – Нас, что ли?

– Да нет, не нас. Нас он, похоже, даже не заметил. Что-то сильно напугало его там, в лесу.

После этих Юриных слов они воззрились на высившуюся рядом плотную зелёную стену из густо переплетённых ветвей и листьев, из-за которой прятался незадолго до этого громоздкий лесной обитатель, и на короткое время примолкли, вслушиваясь в глубокую, безбрежную тишину леса, слегка нарушавшуюся лишь мерным, однообразным шелестом дождя, к которому они уже так привыкли, что начинали воспринимать его как неотъемлемую, неотделимую часть этой тишины.

– И что ж, по-твоему, могло так испугать его? – промолвил Паша чуть погодя, понизив на всякий случай голос. – Волки? Медведь? Или, может, охотники?

Юра пожал плечами.

– Понятия не имею. Всё, что угодно... Но это ладно, бог с ним, с лосем, – резко поменял он тему, вновь переведя взгляд на черневший неподалёку бревенчатый дом и мотнув в его сторону головой. – Для нас сейчас гораздо важнее познакомиться с хозяевами этой берлоги, – если, конечно, таковые имеются, – и убедить их пустить нас обсушиться и обогреться.

И он вышел из-под елового навеса под дождь и скорым шагом двинулся в сторону одинокого, с виду нежилого дома, приютившегося на лесной опушке.

Паша поплёлся за ним. Правда, далеко не так стремительно и целеустремлённо, как напарник. Пашу, как и накануне вечером, снова стали обуревать тягостные раздумья и сомнения. Перед мысленным взором одно за другим возникали недавние события, невольно складываясь в стройную, по-своему логическую цепочку и обретая внутреннюю связь. Сначала он сбился с дороги и забрёл совсем не туда, куда намечал, чего с ним, опытным путешественником, давненько уже не случалось; потом неожиданная встреча на пустынной просёлочной дороге с растерзанной полуголой девицей, нёсшей какой-то зловещий бред; затем оглушительный рёв, принёсшийся из тёмных лесных глубин и перепугавший его до смерти; потом смутная тень, почудившаяся ему – а может быть, и увиденная им – возле палатки. А теперь ещё этот словно взбесившийся лось, промчавшийся мимо них так, будто за ним гналась свора охотничьих собак. Но ведь не от них же в самом деле он улепётывал во весь опор? В лесу, как и прежде, царили тишина и покой. Ни лая, ни воя, ни шума погони. Тогда что же вселило в сохатого такой панический страх? От чего он бежал как угорелый? Что так испугало его там, в непроглядной лесной чащобе, которую встревоженный Паша продолжал окидывать напряжённым, озабоченным взглядом?

И снова всплывал главный вопрос, со вчерашнего вечера не дававший ему покоя: а случайно ли всё происшедшее и продолжающееся происходит с ними? Не звенья ли это одной цепи? И не связано ли всё это с кем-то таинственным и грозным, о котором упомянула окровавленная полубезумная девушка? Может быть, конечно, и нет. Может быть, это разрозненные, изолированные события, между которыми нет никакой связи. Однако под влиянием всё усиливавшейся тревоги возбуждённое Пашино воображение заработало вовсю и начало усиленно и небезуспешно искать эту возможную связь, которая помогла бы сцепить всё случившееся с ними за минувшие сутки воедино.

Думая свои смутные, тревожные думы, Паша сам не заметил, как пересёк вслед за товарищем обширную поляну и остановился возле уединённого дома. Пару минут они стояли и внимательно рассматривали его, медленно переводя взгляды с вросшего в землю фундамента до полукруглого конька высокой двускатной крыши, по которому разгуливала взъерошенная мокрая сорока, то и дело с любопытством поглядывавшая на стоявших у подножия дома незнакомцев. Бросались в глаза старость, ветхость и явная заброшенность лесного жилища. Брёвна, из которых были сложены стены, – громадные, толстые, будто высеченные из цельных стволов, – покривились, потрескались, почернели от времени; маленькое оконце, тоже какое-то скособо-ченное, с треснувшим по всей длине стеклом, было так загажено и покрыто таким плотным слоем пыли и грязи, что, вероятно, пропускало внутрь лишь очень немного дневного света; облупленная, источенная червем дверь едва держалась на проржавевших петлях и, казалось, только ожидала момента, чтобы слететь с них.

– Да-а, лачужка ветхая, хотя и большая, – высказал по итогам осмотра своё мнение Юра. – И явно нежилая. Причём давно.

Паша согласно кивнул.

– Угу. В таком сарае разве что бомж согласился б жить.

– А так как бомжи – городские жители и в лесах не обретаются, – подхватил его мысль Юра, – то делаю вывод, что дом необитаем и мы можем войти.

– И чем быстрее, тем лучше, – заметил Паша, подняв глаза на блёклое, обложенное тяжёлыми свинцово-серыми облаками небо, с которого продолжала сеяться бесконечная противная морось. – А то я уже промок насквозь.

– Ничего, сейчас обсушимся, – сказал Юра и подошёл к двери.

На пороге он на секунду приостановился, словно охваченный коротким раздумьем, но затем, решительно взявшись за ржавую, висевшую на одном корявом гвозде ручку, отворил дверь, которая отреагировала на это протяжным жалобным скрипом, и заглянул в открывшуюся перед ним тёмную глубину, сразу же ощутив пахнувший на него оттуда, точно из подвала, запах сырости и гнили. Помедлив опять пару мгновений, он переступил порог и, осторожно ступая по скрипучему дощатому полу, двинулся в глубь дома. Передвигался медленно, почти наощупь, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте, лишь слегка рассеиваемой слабым мутным отсветом, едва-едва пробивавшимся сквозь небольшое, заросшее грязью окошко. И всё более ощущал наполнявший помещение затхлый, удушливый дух, к которому отчётливо примешивался какой-то кисловатый, прогорклый запах, происхождение которого Юра пока что не в силах был определить.

Шедший за ним следом и задержавшийся в сенях Паша, пошарив невидящим взором по объётой сумраком внутренности дома, в которой пока не было видно ни зги, тихо присвистнул:

– Ну и темень! Да ещё и вонь к тому же! Тут бы проветрить не помешало.

– Н-да, – откликнулся Юра. – Смрад тот ещё! Судя по запаху, можно было бы предположить, что бомжи здесь действительно живут.

Паша, продолжая пялиться в темноту, ухмыльнулся.

– Одичавшие лесные бомжи!

Юра покивал и, снова втянув носом разлитый кругом спёртый, застоявшийся, пропитанный зловонием воздух, скривился.

– Шутки шутками, но похоже на то, что тут в самом деле кто-то обитает.

Улыбка мгновенно улетучилась с Пашиного лица.

– То есть как это «кто-то обитает»? – произнёс он слегка дрогнувшим голосом. – Кто?

– Пока не знаю, – ответил Юра, остановившись посреди помещения и внимательно оглядываясь. – Но смердит явно чем-то живым... Точнее, кем-то.

Наступило молчание. Друзья не переставали озираться кругом, и их глаза, немного привыкшие к этому времени к полумраку, начали постепенно различать окружающую их обстановку. Она была крайне скудна: слева от двери – приземистый громоздкий комод; под окном – низкая продолговатая скамья; у противоположной стены – большой грубо сколоченный стол на толстых ножках, на котором высился чёрный закопчённый горшок, и такой же тяжеловесный стул с широким сиденьем и высокой спинкой; в углу, справа от окна, был навален целый ворох несвежей соломы, тонких веток и жухлой листвы – именно оттуда, как показалось приятелям, исходил тот тяжёлый неприятный запах, который они ощутили, едва очутились здесь. Рядом с этой непонятно как оказавшейся тут гниющей растительностью приткнулась к стене печка, когда-то, вероятно, белая, а ныне покрытая густым слоем копоти и грязи, почти ничего не оставившим от первоначальной белизны. А сразу за печкой, в самом дальнем и тёмном углу, смутно угадывалась деревянная лестница, ведшая, очевидно, на чердак.

Обозрев всё это не один раз и поняв, что ничего интересного они тут больше не высмотрят, приятели вопросительно поглядели друг на друга.

– Ну, что делаем? – промолвил Юра. – Будем располагаться?

Паша вновь огляделся и передёрнул плечами.

– Ну-у, не знаю, – с сомнением протянул он. – Тут и прилечь-то негде... Не на соломе же этой вонючей!

Юра усмехнулся.

– Ну да, не Гранд-Отель, конечно. Чуть поскромнее. Но особого выбора у нас нет. Или ты опять под дождик хочешь?

– Не хочу, – буркнул Паша, взглянув на тёмно-серое, с рыжеватым оттенком оконное стекло, по которому медленно стекали тонкие грязноватые струйки. – Но как же мы тут останемся, если ты сам сказал, что здесь кто-то живёт? Мы тут расположимся как у себя дома – и вдруг является хозяин. То-то он обрадуется!

На Юрином лице опять заиграла слабая, чуть усталая улыбка.

– А может и обрадуется, – предположил он. – Ему ж наверняка скучно одному в этой глухомани. А тут вдруг гости! Какое-никакое развлечение.

Паша снова, на этот раз немного нервно, дёрнул плечом и проворчал сквозь зубы:

– Ага, офигеть как обрадуется! Задохнётся от счастья.

После этого они вновь умолкли, задумчиво поглядывая по сторонам и слушая однотонное шуршание дождя, глухо доносившееся снаружи.

Затем, словно набредя на какую-то мысль, Юра, не говоря ни слова, подошёл к прятавшейся в самом тёмном углу дома деревянной лестнице. Остановившись, посмотрел вверх, на черневший в потолке квадрат, потом потрогал лестницу, проверяя её прочность, и, наконец, скинув с плеч рюкзак, стал медленно подниматься. Перекладины опасно пошатывались и отчаянно скрипели, точно протестуя против напряжения, которому они, по-видимому, давно уже не подвергались. Но всё же они выдержали его, ни одна не треснула и не подломилась под ним, и он благополучно достиг потолка, где постарался открыть люк, ведущий на чердак. Тот некоторое время не поддавался, и при каждой попытке приподнять его Юру обдавал целый дождь мелкого мусора, которого он безуспешно пытался избежать, уклоняясь то в одну, то в другую сторону и втягивая голову в плечи. В итоге в волосах у него вскоре застряло и завалилось за

шиворот множество опилок, кусочков трухлявой древесины, сухих комочков птичьего помёта и ещё какой-то дряни, о происхождении которой он старался не думать.

Однако Юра с присущим ему упорством, стиснув зубы и бормоча сквозь них глухие ругательства, не оставлял своих попыток пробиться наверх, и его усилия в конце концов увенчались успехом. Массивный тяжёлый, хотя и заметно подгнивший от сырости люк, наконец, с тихим треском подался и приоткрылся, а затем, отталкиваемый крепкой Юриной рукой, расстворился настежь и откинулся в сторону. Перед Юрой открылось небольшое квадратное отверстие, слегка освещённое поступающим откуда-то бледным притушенным светом, и он, ничем больше не задерживаемый, хватаясь за осклизлые, чуть обсыпавшиеся края открывшегося проёма, взобрался наверх и через секунду пропал из поля зрения Паши, всё это время с интересом наблюдавшего за действиями напарника.

Последовала короткая пауза, после чего сверху, будто издалека, раздался приглушённый Юрин голос:

– Давай, лезь сюда. Кажется, я нашёл то, что нам надо.

Ещё более заинтересованный, Паша, следуя призыву товарища, также освободился от рюкзака и с теми же предосторожностями, что и Юра, вскарабкался по скрипучей, чуть пошатывавшейся лестнице. Оказавшись наверху, рядом с приятелем, огляделся. Чердак был довольно просторный, ограниченный двумя покатыми сторонами кровли, соединявшимися вверху, на высоте примерно трёх метров, толстой поперечной балкой, на которой, с подозрением поглядывая на незваных гостей, сидели дикие голуби. Здесь было гораздо светлее, чем внизу: через небольшое слуховое окно, – или, вернее, просто отверстие, так как стекла в нём не было, – внутрь вливался белесый рассеянный свет, озарявший заляпанные голубиным помётом стены и балки и покрытый густым ворохом изжелта-серой соломы дощатый пол.

– И это, по-твоему, то, что нам надо? – сморщив нос, несколько разочарованно протянул Паша.

– Да, именно. Ляжем тут, – совершенно серьёзно, без тени усмешки произнёс Юра, указывая на покрывавший чердачный пол пышный соломенный ковёр. – Чем тебе не постель? Мягкая, уютная, душистая.

Паша, ещё раз оглядевшись, брезгливо поморщился.

– А тебя не смущает, что тут, как бы это сказать помягче, птичками всё загажено?

– Смущает... немножко, – признался Юра, сохраняя на лице серьёзное, невозмутимое выражение. – Но у нас выбор невелик: либо там, внизу, на вонючей подстилке, либо в лесу, под бодрящим дождиком, либо здесь, на этой соломке. Она, кстати, достаточно свежа, – видать, на ней отродясь никто не спал. Так что мы, возможно, будем первыми.

– О, какая честь для нас! – хмыкнул Паша. – Первыми опробовать такое роскошное ложе!

Но Юра не поддержал этот насмешливый тон и как ни в чём не бывало продолжал:

– А почему бы и нет? Мы же сталкеры как-никак, а не туристы. И за удобствами не гонимся. И, как сказано в уставе, должны стойко переносить тяготы и лишения сталкерской жизни... Так что будем устраиваться!

И, наклонившись, он потрогал устилавшую пол солому, которая действительно оказалась достаточно свежей и чистой, а значит вполне пригодной для того, чтобы послужить постелью для двух усталых путников.

Но, прежде чем улечься, Юра, мгновение подумав, подошёл к открытому люку и спустился по лестнице вниз. Через несколько секунд он снова появился наверху, таща за собой свой рюкзак.

– Нафига он тебе здесь? – спросил Паша.

Юра чуть повёл плечом.

– Да мало ли... Чужой дом всё-таки. Надо быть начеку.

Паша тоже ненадолго задумался, а затем последовал примеру напарника – спустился вниз и вернулся с рюкзаком.

– Заодно и под голову будет что подложить, – заметил он, подтаскивая рюкзак к месту, которое облюбовал себе для отдыха, поблизости от окна.

– О, точно! – поддержал Юра, поднимая кверху указательный палец. – Устами младенца глаголет истина.

– Пошёл ты, – вяло огрызнулся Паша и, наскоро устроив себе «постель», растянулся на мягком соломенном ложе.

Юра, повозившись ещё минуту-другую, устроился рядом.

Какое-то время они лежали молча, слушая шум дождя, доносившийся со стороны леса, и особенно отчётливо слышимый здесь стук капель по поверхности крыши. И глядя на продолжавших сидеть наверху голубей, которые, вероятно быстро привыкнув к присутствию посторонних, перестали обращать на них внимание и принялись чистить себе перья, оглашая при этом чердак глуховатым воркованием.

– А они не нагадят на нас? – немного погодя с беспокойством спросил Паша, видимо только что в полной мере осознав эту опасность.

Юра чуть усмехнулся.

– Они ещё не сообщили мне о своих планах... Но полностью исключать такой возможности я бы не стал. Птицы, чё с них взять.

Паша пробурчал что-то и ещё пристальнее уставился на расположившихся под самой крышей голубей, каждое мгновение ожидая от них внезапной атаки. Однако время шло, а ничего подобного, вопреки его опасениям, не происходило: птицы спокойно, с важным видом сидели на своём «насесте», занимались своими птичьими делами и, похоже, и не думали причинять какие-либо неудобства прилётшим отдохнуть гостям. Их протяжное монотонное воркование, напротив, действовало на приятелей успокаивающе, баюкало их и навевало сон. Паша уже спустя несколько минут почувствовал, что у него слипаются глаза, и лишь одна тревожная, всё это время не дававшая ему покоя мысль не позволяла ему окончательно капитулировать перед настойчиво подступавшим сном и погрузиться в его нежные объятия. Не отрывая понемногу мутневших и заволакивавшихся туманом глаз от угнездившихся под кровлей голубей, он медленно, растягивая слова, проговорил, или, вернее, прошептал:

– И всё-таки... есть ли у этого дома хозяин?.. И что, если он вдруг придёт?..

Но Юра не ответил ему – он уже спал, повернувшись на бок и подложив ладонь под голову. Убедившись в этом, Паша понимающе кивнул и перевёл взгляд на окно. Пару минут смотрел на проплывавшие по небу тяжёлые, взлохмаченные сизые тучи, на чуть покачивавшиеся вершины деревьев, на мелькавшие в мглистом сероватом воздухе тонкие серебристые нити дождя. И, слушая его нескончаемый размеренный шёпот, понемногу смежил веки и незаметно для себя уснул.

V

Паша проснулся, ощутив страх. Непонятный, необъяснимый, беспричинный, будто всхлынувший из каких-то тёмных, потаённых недр и впившийся ему в сердце острым, саднящим жалом. И оно заныло, заметалось, заколотилось лихорадочно и смятенно, точно ему вдруг тесно стало в груди. Паша тихо простонал, приоткрыл рот, как если бы ему не хватало воздуха, резко мотнул головой – и очнулся.

И первым, что он увидел, была луна. Большая, идеально круглая, сияющая. Бледно-жёлтая, с чуть уловимым золотистым отливом. Она находилась как раз напротив чердачного окна, как будто заглядывала в него. И весь чердак, за исключением самых дальних углов, был залит

её призрачным голубоватым светом, делавшим всё каким-то нереальным, ускользающим, зыбким, будто привидевшимся во сне.

Но это был не сон. Паша отчётливо чувствовал, что сон закончился, что это уже явь. И по-прежнему ощущал таинственный страх – тем более загадочный и непостижимый, что был непонятен его источник. Паша усиленно пытался разобраться в своих ощущениях, недоумевая, чего же он, собственно, боится? В чём причина его страха? Ведь вроде бы для этого нет никаких оснований... Или всё-таки есть?

Одолеваемый этими смутными, путаными чувствами, Паша, хрустя соломой, беспокойно заворочался и повернул голову, чтобы взглянуть на лежавшего рядом приятеля и выяснить, спит ли он или тоже уже пробудился.

Однако рядом было пустое место. Только смятая, раскиданная солома и рюкзак. Юры не было.

Удивлённый и обеспокоенный Паша приподнялся и огляделся вокруг. И сразу же увидел своего друга. Тот сидел у него в ногах. В напряжённой позе, сгорбившись, чуть склонив голову и пристально, неотрывно глядя на Пашу, будто сверля его взглядом. Пашу сразу же поразило неподвижное, точно застылое, мертвенно бледное лицо приятеля – в холодном, неживом лунном свете эта бледность, почти прозрачность кожи выделялась особенно явственно – и его остановившиеся, круглые, как два пятака, глаза, в которых отчётливо читался невыразимый, дикий ужас.

Внутри у Паши всё задрожало. Он понял, что произошло – и, очевидно, продолжает происходить – что-то жуткое, катастрофическое, выходящее из ряда вон. То, что он сам имеет привычку бояться чёрт знает чего и благодаря своей неуёмной фантазии сплошь и рядом придумывает себе всякие страхи, по большей части пустые и беспричинные, – тут нет ничего удивительного, он сам знает и признаёт за собой эту слабость. Но Юра – совсем другое дело: он менее всего склонен бояться чего-нибудь или кого-нибудь; чтобы напугать его, нужно очень постараться. И вот, судя по всему, кому-то это удалось.

Но кому же? Ведь они здесь одни. Паша пробежал глазами окрест и убедился, что чердак пуст. Кроме них двоих и голубей, мирно спавших на своей балке, тут не было ни души. Так чего же тогда испугался Юра? Отчего эта смертельная бледность на его лице и ледяной, панический ужас в его глазах, словно он увидел призрак? Справившись с волнением, Паша открыл было рот, чтобы спросить друга, что с ним...

Но не успел. Едва увидев, что он собирается что-то сказать, Юра ещё более округлил свои и без того широко распахнутые глаза и прижал палец к губам. А затем, оторвав палец от губ, приподнял его и замер, точно призывая товарища к вниманию.

И только тогда Паша услышал наконец то, на что не обратил внимания до этого. Услышал чьё-то дыхание. Тихое, приглушённое, отрывистое, но всё же достаточно отчётливо уловимое в разлитой вокруг мёртвой тишине. Прислушавшись внимательнее, Паша различил и некоторые другие звуки, сопровождавшие это тяжёлое хриловатое дыхание, – какие-то смутные шорохи, поскрипывание, сопение и даже как будто невнятное бормотание.

Несколько секунд Паша усиленно соображал, что всё это значит. Пока до него не дошло, что в доме – там, внизу – кто-то есть. Вероятнее всего, неведомый хозяин лесного жилища, вернувшийся домой и не подозревающий, что в его отсутствие к нему наведались незваные гости. Или подозревающий?..

От этой мысли Паше почему-то стало не по себе. По спине тонкой змеящейся струйкой пробежал холодок. Он вновь обратил растерянный взгляд на бледного, оцепенелого Юру, не сомневаясь, что тому, вероятно, известно что-то такое, чего не знает пока он сам. Заметив его вопрошающий взор, Юра снова прижал палец к губам, а затем указал им куда-то вниз.

Паша посмотрел в указанном направлении. Но поначалу ничего не увидел в разлитом вокруг сумраке. И лишь взглядевшись как следует, различил узкую продолговатую щель между

досками, в которую сквозил рассеянный лунный свет. Этот слабый, едва уловимый отблеск проникал снизу, из дома.

Паша опять вопросительно взглянул на друга. Тот утвердительно кивнул, сделав одновременно предостерегающий жест. Паша медленно и предельно осторожно, стараясь двигаться бесшумно, подполз к щели в полу и припал к ней лицом.

И в первые мгновения ничего не мог разобрать, кроме мутного, едва брезжившего мерцания, наполнявшего нижнее помещение. Паше вообще сначала показалось, что там по-прежнему никого нет. Но чуть погодя он убедился, что ошибается. Чем дольше и пристальнее он вглядывался, тем отчётливее начинал различать в полумраке, лишь слегка тронутым неверным лунным отсветом, что-то огромное, массивное, чёрное, как сама тьма, постепенно обретавшее контуры человеческой фигуры. Контуры смутные, нечёткие, размытые, но всё же достаточно различимые и мало-помалу обраставшие всё новыми деталями.

Да, это был человек. Или, во всяком случае, что-то похожее на человека. Гигантское, грузное, мощное, занимавшее, казалось, едва ли не половину помещения. Он сидел на стуле, положив громадные, длинные, как у обезьяны, руки на стол и чуть склонив такую же громадную гривастую голову, крепко посаженную на широкие могучие плечи. Он был настолько огромен и необъятен, что, наверное, если бы он встал, то упёрся бы головой в потолок.

Но даже не это – не эти внушительные, впечатляющие размеры – было самым поразительным и пугающим. Куда более невероятным и шокирующим было другое, чего Паша не заметил сразу. Но в конце концов заметил. И едва окончательно удостоверился в увиденном, почувствовал, как холодеет у него внутри, а на голове шевелятся волосы.

Незнакомец был покрыт шерстью! Весь, с головы до пят. Длинной, чёрной, густой, клочковатой, свалывшейся. Это была его одежда, его шуба, облекавшая его исполинское тело плотным ворсистым покровом, сквозь который не проглядывало ни сантиметра кожи. Никакой другой одежды на нём не было. Да ему, пожалуй, и не требовалось...

Пашу прошиб холодный пот. Оторвавшись от щели в полу, он повернул к приятелю побелевшее, оторопелое лицо, на котором были написаны изумление и ужас. Но это был уже не тот неосознанный, спонтанный страх, который охватил его во сне и от которого он проснулся. У этого ужаса была причина, причём такая явная и определённая, что Паша ощущал его всем своим существом. Ему чудилось, что всё вокруг пропитано этим страхом, что он носится в самом воздухе, что можно почувствовать его самой кожей, по которой то и дело пробегали мелкие противные мурашки.

Чувствуя, как его всё сильнее сотрясает нервная дрожь, Паша снова припал глазами к щели в полу и впился взглядом в расположившегося за столом косматого гиганта. Тот по-прежнему сидел без движения, ссутулившись, потупив голову, положив одну руку на стол, а другую бессильно свесив вдоль тела. Могло показаться, что он очень утомлён или даже спит. Однако он не спал, так как его склонённая голова то и дело слегка покачивалась, а ровное хриплое дыхание время от времени прерывалось едва слышным невразумительным бормотанием. Паша попытался прислушаться к этому бормотанию, стараясь разобрать хоть слово. Но тщетно: это вообще слабо было похоже на человеческую речь, гораздо больше – на звериное рычание. Низкое, глуховатое, сиплое, чуть вибрирующее, как будто хозяин дома был недоволен или сердит.

А чем он мог быть недоволен? Ответ был очевиден: вторжением непрошенных, явно нежеланных гостей! Он не видит их, но наверняка уже уловил их присутствие своим мощнейшим звериным чутьём. И теперь пытается определить, где они? В каком месте они спрятались? В каком уголке дома затаились?

Было ли это так на самом деле, учуял ли их незнакомец или это лишь вообразил себе донельзя взволнованный и напуганный Паша, взвинченное воображение которого, как обычно, тут же заработало в бешеном темпе, – было неизвестно. Так же как не представлялось возмож-

ным определить, кто же в действительности этот заросший шерстью исполин – человек или зверь? Или и то и другое одновременно? Или же, напротив, ни то, ни другое, а что-то совершенно особенное, неведомое, непознанное?..

От этих мыслей, нахлынувших на него широкой горячей волной, голова у Паши пошла кругом. Застучала, запульсировала кровь в висках. Перед глазами забегали, запрыгали, замелькали огненные точки, пёстрые цветные пятна, блёклые водянистые разводы. Он почувствовал, что сейчас потеряет сознание, и, забывшись, шумно, прерывисто вздохнул.

И тут же пришёл в себя. Снова приник к щели и, затаив дыхание и с трудом удерживая учащённый стук сердца, напряжённо и пристально воззрился в незнакомца. И сразу же понял, что тот, вероятно, уловил его неосторожный, чересчур громкий вздох. Косматый гигант вдруг прекратил своё бессвязное бурчание, пошевелил руками, приподнял голову и замер, точно внимательно прислушиваясь. А затем медленно повернул голову влево, в сторону окна, от которого на его лицо упал бледный рассеянный отсвет. Паша напряг зрение до предела и попытался в этом зыбком лунном отблеске разглядеть его черты. И разглядел...

На этот раз из Пашиной груди вырвался не вздох, а короткий придушенный всхлип, который ему лишь в последний миг удалось заглушить, зажав себе рот руками. Поражённый как громом тем, что он увидел, он несколько мгновений лежал неподвижно, оцепенев, а затем, едва шевеля внезапно онемевшими, трясущимися членами, приподнялся и уставился на друга выпученными, округлившимися глазами. Его белое как мел лицо перекошилось, на лбу выступили капли холодного пота, посеревшие губы дрожали. Он был похож на невменяемого.

Юра придвинулся к нему вплотную и едва слышно, одними губами, даже не прошептал, а как будто выдохнул:

– Ну что, рассмотрел его?

Паша, точно не слыша, продолжал глядеть перед собой остановившимися, полными неопишемого, безумного ужаса глазами.

Юра хотел ещё что-то сказать, но остановился, услышав донёсшийся снизу грохот отодвигаемого стула и вслед за тем тяжёлые, гулкие шаги, сопровождавшиеся глухим, низким рычанием.

Юра понял, что времени у них очень мало. Считанные мгновения. А потому, усилием воли стряхнув владевший им свинцовый, парализующий страх, действовал решительно и молниеносно. Уже через несколько секунд оба рюкзака, не без труда протиснутые сквозь узкое окошко, полетели вниз. Затем Юра обернулся к приятелю и коротко скомандовал:

– Теперь ты. Давай прыгай!

Однако Паша отреагировал как-то вяло. Весь под впечатлением от увиденного только что, он, казалось, потерял способность соображать, сидел не шевелясь, сотрясаемый мелкой дрожью, и лишь чуть покачивал головой и тупо смотрел в никуда, очевидно даже не осознавая вполне степень опасности, грозившей им обоим.

Зато её отлично осознавал Юра. И он не растерялся. Не переставая чутко прислушиваться к доносившимся снизу звукам – глухому топанию и отрывистому рычанию, он без всяких церемоний схватил напарника за рукав куртки и поволок к окну. Тот безвольно, словно безразлично, покорился силе и только возле самого окна слабым, прерывающимся голосом пролепетал:

– А... Что?.. Куда?..

– Прыгай, тебе говорят! – прошипел ему в ухо Юра. – Если тебе жить не надоело!

И так как Паша по-прежнему был инертен и как будто безучастен к происходящему, Юра попросту выпихнул его наружу так же, как сделал это только что с рюкзаками. Паша, не успев даже охнуть, совершенно беззвучно вывалился в отверстие окна и исчез в застывшей у подножия дома тьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.